Годъ шестьдесятъ первый. 1 января 1899 г.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

(ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ)

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА, ВЫХОДИТЪ ПО СРЕДАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на неоффиціальную часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей" въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ доставкой и пересылкой въ другіе города: 4 р. за годъ и 2 р. 50 к. за полгода.

Подписка принимается: въ типографіи губернскаго правленія, у г. нижегородскаго полиціймейстера и у гг. уѣздныхъ исправниковъ.

За помѣщеніе частныхъ объявленій взимается: впереди текста 20 к., позади текста 10 к. со строки петита, въ одну колонку, за одинъ разъ. Въ розничной продажѣ за № неоф. части 10 к., а вмѣстѣ съ оффиц. частью 20 к.

№ 1.

Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. Всѣ же прочія—оплачиваются соотвѣтствующимъ гонораромъ.

Статьи, признанныя неудобными для печатанія, не возвращаются.

Статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и измѣненію.

Личныя объясненія съ редакторомъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 10 до 12 ч. дня въ редакціи „Нижегор. Губ. Вѣд"., въ кремлѣ, въ зданіи губернской типографіи.

Нижній-Новгородъ, 1-го января.

Еще одинъ годъ канулъ въ вѣчность. . Минулъ еще годъ нашей трудовой жизни скромной газетной работы.

Въ газетныхъ сферахъ, за немногими исключеніями, существуетъ обычай: подводить итоги минувшей дѣятельности—знакомить читателей съ будущей газетной программой, всегда широкой и многообѣщающей, знакомить съ задачами—„знаменемъ", которыя преслѣдуетъ газета, подчеркивать успѣхи и имена будущихъ сотрудниковъ, при чемъ между послѣдними преобладаютъ литературные корифеи, имена которыхъ, къ слову сказать, въ большинствѣ случаевъ никогда не появляются на страницахъ газеты, и т. д. и т. д.

Подводить итоги или, другими словами сказать, производить оцѣнку газетной дѣятельности,—эта роль главнымъ образомъ принадлежитъ читателю, тому просвѣщенному читателю который сумѣетъ въ трудовой газетной нивѣ отдѣлить плевела отъ сѣмянъ,—такому судьѣ мы охотно передаемъ и книги въ руки.

Наши программа и задачи остаются прежними: служеніе правдѣ и свѣту—этимъ первымъ факторамъ въ знаменательномъ процессѣ лѣченія общественныхъ больныхъ мѣстъ. Въ этой скромной программѣ и заключаются наши газетные идеалы.

Если мы желали что-либо подчеркнуть, то только тѣ тяжелыя условія, которыми обставлена газетная работа въ провинціи. Отдаваясь всецѣло этой работѣ, мы всегда принимали близко къ сердцу ея печали и радости. Мы будемъ сердечно радоваться, если когда нибудь положеніе провинціальной прессы сравнится съ тѣмъ положеніемъ, какое она занимаетъ въ столицѣ, пользуясь тамъ особенно благопріятными условіями въ лучшемъ смыслѣ ея миссіи. Тѣмъ болѣе мы вѣримъ въ лучшее будущее провинціальной прессы, что послѣдняя все болѣе и болѣе находитъ сторонниковъ среди высокопоставленныхъ лицъ, которыя, благодаря просвѣщенному вниманію, въ лицѣ провинціальной печати, видятъ серьезную опору для правительственной власти. Мы можемъ вдохновенно сказать, что также глубоко вѣруемъ въ будущее печатнаго слова, какъ вѣруемъ въ свѣтлое будущее нашей дорогой родины, богатой и могучей своими вѣковыми традиціями: православія, самодержавія и крѣпкой любовью ея истинныхъ сыновъ.

Говоря о газетной программѣ, знакомой ужъ читателю, не можемъ умолчать о томъ, что особенное вниманіе мы, какъ и прежде, будемъ отдавать темнымъ угламъ родного края, освѣщая ихъ больныя мѣста, надежды, печали и радости. Мы глубоко увѣрены, что въ нашей работѣ въ этомъ смыслѣ, какъ и въ предыдущихъ годахъ окажутъ помощь безвѣстные труженики печати—корреспонденты, идущіе въ передовыхъ рядахъ на борьбу съ „властью тьмы".

Считаемъ святой обязанностью прежде всего послать новогоднее привѣтствіе этимъ труженикамъ, ибо они первые принимаютъ близко къ сердцу задачи нашего скромнаго органа и содѣйствуютъ, какъ члены близкой намъ родной семьи, успѣху нашей миссіи.

Горячо и сердечно привѣтствуемъ съ новорожденнымъ годомъ нашихъ читателей. Желаемъ имъ всякаго счастья, желаемъ самыхъ страстныхъ увлеченій... добромъ, правдой, желаемъ полнаго успѣха на свѣтломъ пути великаго дѣла помощи бѣднымъ, слабымъ, угнетеннымъ, больнымъ...

Съ новымъ годомъ!

Церковные праздники, учрежденные въ память святыхъ подвижниковъ и событій, измѣнившихъ до основанія міросозерцаніе и древній строй жизни, будятъ наши нравственныя силы, вызывая въ вообра-

женіи чудные образы, сіяющіе внутреннимъ огнемъ самоотреченія, несокрушимой воли и братской любви ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ. Наступилъ Великій Праздникъ, отъ котораго исходятъ всѣ христіанскіе праздники. Загорѣлась звѣзда на Востокѣ и, если мы хоть на минуту уйдемъ внутрь себя, предъ нашимъ умственнымъ взоромъ возстанетъ въ глубинѣ вѣковъ тихая ночь Палестины: на необъятномъ небѣ остановилась яркая звѣзда; опираясь на длинные посохи, дивятся на нее пастухи, хоры ангеловъ поютъ о мирѣ и благоволеніи къ людямъ, волхвы съ дарами спѣшатъ къ Виѳлеемской пещерѣ поклониться Предвѣчному Младенцу. По всей великой православной Руси раздается торжественный благовѣстъ, православный людъ спѣшитъ на поклоненіе „Солнцу Правды“. Но въ сибирскихъ пустыняхъ, куда переселенцы вносятъ жизнь и движеніе, не слышно призывного колокола, не высятся купола церквей, не спѣшитъ старый и малый въ ярко освѣщенный храмъ. Многихъ ли примутъ въ свое лоно малочисленныя и тѣсныя сибирскія церкви, многихъ ли укрѣпятъ онѣ духовной, общею для всѣхъ христіанъ, радостною надеждою на родившагося Ходатая и Искупителя человѣческаго рода. Не разъ уже къ днямъ великихъ воспоминаній мы пріурочивали просьбу о пожертвованіяхъ на сибирскіе храмы. На даянія православныхъ уже построены 42 церкви, гдѣ возносятся за строителей молитвы къ Престолу Всевышняго. Начаты 93 церкви, но поступленія въ церковно-строительный фондъ ослабѣваютъ, взносы даже изъ сердца Россіи—Москвы—стали крайне рѣдки, и довершить эти храмы нѣтъ средствъ. Неужели надежды переселенцевъ будутъ обмануты и заложенные дома Божіи поростутъ бурьяномъ. На окончаніе храма во имя св. Александра Невскаго, въ память Царя-Миротворца, потребны 20 тысячъ рублей; нужны также средства на возведеніе школьныхъ зданій. Будемъ уповать, что недавній новый щедрый даръ неослабнаго благотворителя церковнаго строительнаго фонда имени Императора Александра III—отца Іоанна Кронштадтскаго пріумножится вѣрою, чистымъ усердіемъ къ церкви и благоговѣйною любовью къ царственнымъ созидателямъ обновленной Сибири. Пожертвованія на построеніе церквей въ Сибири принимаются въ канцеляріи комитета министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ) и, съ разрѣшенія министра финансовъ, во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣздныхъ на депозитъ названной канцеляріи.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

(Изъ воспоминаній).

Морозъ покусывалъ мнѣ пальцы и невидимыми тоненькими иголочками кололъ и щипалъ мои уши. Но идти домой мнѣ не хотѣлось. На волѣ было такъ хорошо, такъ празднично, такъ красиво. Пышно распушились бѣлыя березы. Каждая вѣточка ихъ была разубрана, разукрашена пушистыми хлопьями. И онѣ стояли сонныя, недвижныя въ своемъ праздничномъ убранствѣ, точно завороженныя чьимъ-то властнымъ словомъ. Каменная игла колокольни поднималась надъ ихъ сѣдыми макушками и, казалось, она выходила изъ спустившихся на землю облаковъ. Вороны съ хриплымъ крикомъ носились надъ каменной иглою. Стая за стаей онѣ, то усаживались на куполъ деревенской церкви, то съ немолчнымъ граемъ опять кружились въ воздухѣ. Мнѣ казалось, что и каркали онѣ сильнѣе обыкновеннаго. Несомнѣнно и эти черныя тяжелыя птицы волновались предчувствіемъ важнаго праздника. Потоптывая озяблеными ногами и кутаясь въ заячій тулупчикъ, я съ живымъ любопытствомъ слѣдилъ за усаживающимися на ночлегъ воронами. Прозрачный воздухъ какъ-то вдругъ помутнѣлъ. Живыя, яркія краски неба гасли, блѣднѣли. А муть все больше и все замѣтнѣе разливалась въ воздухѣ, заволакивая легкою дымкою предметы. Птицы прятались въ каменныхъ складкахъ фронтона, въ извилинахъ выступовъ. Черными тѣсными рядами сидѣли онѣ въ выемкахъ карнизовъ колокольни. Все рѣже и рѣже раздавался безпокойный крикъ. Только нѣкоторыя одинокія птицы продолжали еще кружить надъ колокольней, тяжело, неуклюже махая крыльями. Порой онѣ усаживались на куполъ или карнизъ и слышно было, какъ тяжелое тѣло птицы ударялось о желѣзо.

На сельской улицѣ замерцали огоньки. Дымки лѣниво, неподвижно стояли надъ трубами. Слышались звяканье и воркованье бубенчиковъ, хрустъ и визгъ снѣга подъ полозьями саней. Людскіе голоса звучали бодро и весело...

Это гости изъ сосѣднихъ деревень наѣзжали въ наше село. Заночуютъ, отстоятъ заутреню и обѣдню и разбредутся ко дворамъ. Многіе дальніе есть нашего прихода,—за 15—20 пріѣхали встрѣтить великій праздникъ мира и благоволѣнія.

Вонъ на отлетѣ домикъ „батюшки“. Просторный, крытый желѣзомъ съ большимъ крытымъ дворомъ, онъ горѣлъ огнями. Ворота скрипѣли. Работникъ съ фонаремъ въ рукѣ пропускалъ въ темную глубь двора парныя кибиточки. Кони весело звенѣли колокольцами. Это сосѣдніе хуторяне, помѣщики наѣхали къ батюшкѣ-благочинному. Робко я обхожу благочинническій домъ и заглядываю въ окна. Нижнія стекла у нихъ красныя и зеленыя, такъ красиво переливаются. Бѣлыя занавѣски; лампы горятъ. Крашеные полы блестятъ, какъ зеркало. Чистыя „дорожки“ вездѣ настланы. „Монашками“ накурено. Вижу я, какъ ходитъ по комнатамъ „батюшка“, высокій, сѣдой, суровый старикъ, съ насупленными бровями. Я боюсь его. Никогда онъ не приласкаетъ, а норовитъ только пальцемъ погрозить: у, баловникъ! Или по лбу щелкнетъ сухой, костлявой рукой. „Матушку“ тоже видно. И она гордая, спѣсивая, чванная, изъ „городскихъ“. Кого-то угощаетъ... Кто-то въ свѣтлыхъ пуговицахъ виднѣется. Навѣрное, становой пріѣхалъ... А ноги у меня совсѣмъ онѣмѣли, одеревенѣли... Домой скорѣе, домой!... Погрѣться-бы на горячей печкѣ. Но болью сжимается мое дѣтское сердце, когда я подхожу къ низенькой покосившейся дѣдушкиной хаткѣ. Одинъ бокъ у ней бѣлый, заметенный вьюгой. Дворъ совсѣмъ полуобвалился. Съ мѣсяцъ, какъ мы пріѣхали жить къ дѣдушкѣ-дьячку. Раньше жили въ городѣ. Отецъ служилъ въ какомъ-то присутствіи, потомъ его прогнали со службы. Голодали, холодали; потомъ къ дѣдушкѣ поѣхали...

Жалко до слезъ мнѣ дѣдушку. Онъ такой добрый, хилый, сѣденькій, полу-слѣпой. Мнѣ больно, когда „батюшка“ начнетъ покрикивать на него и журить. Стоитъ дѣдушка въ передней у „батюшки“ и молчитъ, потупивъ голову. „Батюшкѣ“ давно хочется племянника своего пристроить на дьячковское мѣсто, и трудно живется дѣдушкѣ. А тутъ еще мама съ нами троими пріѣхала да съ мужемъ... И часто я слышалъ, какъ дѣдушка съ полными слезъ глазами шепталъ мамѣ:

— Терпи, дочка, терпи... Знать тебѣ крестъ такой выпалъ...

Болитъ сердце у меня и за маму. Такая она худая, блѣдная, невеселая. Видно, что крѣпится она, старается казаться бодрой. А проснешься, бывало, ночью, слышишь, какъ будто кто-то всхлипываетъ. Вскочишь, подбѣжишь къ матери, а у ней все лицо мокрое и подушка тоже мокрая отъ слезъ.

— Мама, да о чемъ-же ты плачешь? спрашивалъ бывало я.

— Спи, Митя, спи... Это я во снѣ плакала... Сонъ нехорошій видѣла, вотъ я и плакала,—утѣшала она меня: Спи-же, голубчикъ, а то сестеръ перебудишь...

У меня двѣ сестры было: Варюша,—ей второй годъ пошелъ, да Нина по четвертому году. Обѣ маленькія, болѣзненныя. Отца мы рѣдко дома видѣли. Онъ все „кружилъ“ по сосѣднимъ селамъ и деревнямъ, гдѣ у него „дружки“ были. Уйдетъ къ „дружку“ и пропадаетъ съ недѣлю. Мать плачетъ, мучается; не вытерпитъ, побѣжитъ разыскивать его. Привезутъ отца оборваннаго, грязнаго, опухшаго отъ вина, съ трясущимися руками. Съ недѣлю онъ „приходитъ въ себя“, „поправляется“. Трезвый онъ тихій, добрый, молчаливый; но страшенъ бывалъ онъ пьяный...

Подхожу я къ дѣдушкиву дому, а сердце мое томится горькимъ предчувствіемъ какой-то бѣды... Праздникъ на дворѣ, „закуритъ“ отецъ... И не подходи тогда къ нему... Убьетъ!..

Проскользнувъ въ дверь, я прямо карабкаюсь на печку. Дѣдушка прикорнулъ уже тамъ.

— Что, Митюкъ, нагулялся, наморозился! спросилъ меня дѣдъ: Ой, да какія у тебя руки холодныя!.. Совсѣмъ ты кочерыжкой обмерзлой сталъ... Ну, ложись спать,—грѣйся...

Прикрылъ меня дѣдъ овчиннымъ тулупомъ и я понемногу оттаиваю, согрѣваюсь... Изба полна народомъ. Спятъ и на лавкахъ и на полу въ-повалку. Все пріѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень понабились. За перегородкой у печи мать хлопочетъ, тѣсто мѣситъ. Сестренки мои сидятъ на полатяхъ. Только въ переднемъ углу у стола хлопочатся еще люди, не спятъ. Тамъ кипитъ самоваръ. Отецъ шмыгаетъ стоптанными валенками и гремитъ самоварной трубой. Сидящіе у стола говорятъ что-то громко, смѣются. Кто-то махоркою задымилъ, и горькій противный дымъ лѣзетъ мнѣ въ горло. Дѣдъ тоже морщится и покашливаетъ.

— Спи, Митя, спи, завтра рано вставать,—шепчетъ мнѣ дѣдушка: а то и службу, проспишь...

Нѣтъ, я не просплю заутрени!... Мнѣ больно хочется встать вмѣстѣ съ дѣдушкой. Церковь такъ красиво освѣтится. Впереди становой встанетъ, господа разные, батюшкины дочки разрядятся и тоже впереди выстроятся, а сзади сплотится темная масса мужичьихъ головъ...

Но дѣдушкѣ не удалось понѣжиться на теплой печкѣ.

Вошелъ работникъ „батюшки“.

— Софронычъ! окрикнулъ онъ: „батюшка“ требоваетъ. Иди скорѣе..

— Сейчасъ, сейчасъ... Сію минуту, Василій! заторопился дѣдушка, кряхтя и охая, спускаясь съ печки и накидывая на плечи овчинный тулупъ. Что, много гостей, Василій, къ вамъ понаѣхало?

— У насъ гостей со всѣхъ волостей,—отвѣтствовалъ работникъ.

Ушли. Стараюсь уснуть. Но сонъ не беретъ. Громче да громче звучитъ отцовскій голосъ, отцовскій смѣхъ. Я чувствую, что это не къ добру. По голосу замѣчаю, что онъ уже выпилъ.

— Гриша, умоляюще говоритъ мать: порабы на покой всѣмъ...

— Ну вотъ еще... Учи! Сдѣлай милость, точно не понимаю,—бурлитъ отецъ: Праздникъ на дворѣ, значитъ, и должны праздновать... Дружокъ, Семенъ Гаврилычъ,—раздавимъ еще по распроединой, пропащимъ... а?

— Мы тебя, Григорій Петровичъ, уважимъ, но и ты насъ уважь,—слышу я голосъ Гаврилыча, заглушаемый стукомъ посуды: ты

1-ое ЯНВАРЯ.

(Труженикамъ пера).

Прошелъ тяжелый, долгій годъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ съ вѣрой, съ упованьемъ,
Вступили мы на новый путь—
На путь борьбы—безъ колебаній.

Теперь онъ пройденъ. Но всегда-ль
Была гладка для насъ дорога?...
Мы съ болью ѣдкою спѣшимъ
Свести минувшаго итоги...

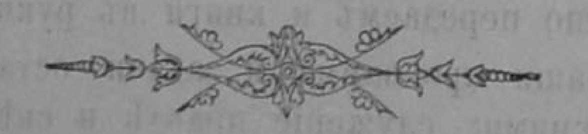
И вотъ, друзья, теперь мы снова
Глядимъ съ надеждою впередъ
И снова вѣримъ, что лишь благо
Сулитъ грядущій Новый годъ.

О, еслибъ не было надежды,
И еслибъ вѣра умерла,—
Тогда-бы намъ подчасъ казалась
Несокрушимой—сила зла!

И такъ, „безъ страха и сомнѣній“
Пойдемъ впередъ, друзья, смѣлѣй,
Стряхнувши тягостное бремя,
На встрѣчу лучшихъ, свѣтлыхъ дней!

И пусть минувшія невзгоды
Въ насъ силы духа укрѣпятъ,
И, съ наступившимъ Новымъ годомъ,
Мечты былыя воскресятъ!...

Сфинксъ.



На новую дорогу.

(Святочный разсказъ).

Въ самую полночь, накануне Новаго года, по проселочной дорогѣ быстро неслись сани, запряженныя парою сытыхъ лошадокъ. Подъѣхавъ къ селу ** и миновавъ главный порядокъ, лошади свернули на маленькій мостикъ, перекинутый черезъ ровъ, взобрались на гору и остановились у церковной ограды. Изъ саней вышелъ молодой человѣкъ, средняго роста, плотный, въ драповомъ пальто съ приподнятымъ барашковымъ воротникомъ и теплой, надвинутой на глаза, шапкѣ, онъ прямо направился къ церкви, за которой, среди густо разросшихся пихтъ, окруженныхъ легкой чугунной рѣшеткой, возвышалась свѣжая могильная насыпь. На звукъ шаговъ изъ церковной караулки вышелъ, охая и кряхтя, старикъ-сторожъ, покрытый овчиннымъ тулупомъ, въ который уходила вся его старческая фигура. Взглянувъ на пріѣзжаго и признавъ въ немъ знакомаго, онъ снялъ свою остроконечную шапку и, пропустивъ его впередъ, самъ направился изъ ограды къ санямъ, гдѣ на козлахъ возсѣдалъ парень-ямщикъ и лѣниво поводилъ кнутовищемъ по рыхлому снѣгу. Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями, оба замолчали, какъ умѣютъ многозначительно молчать наши, сосредоточенные въ себѣ, мужички-сѣрячки.

Между тѣмъ молодой человѣкъ, подойдя къ могилѣ, тихо опустился на колѣни и, обхвативъ насыпь руками, приникъ головой къ снѣжной землѣ. Тихо и безмолвно на кладбищѣ—въ этомъ жилищѣ мертвыхъ. Лишь глухіе стоны, подавленныя судорожныя рыданья, вырывающіеся изъ груди молодого человѣка, нарушаютъ могильную тишину. Кажется, эти глухіе звуки какъ будто исходятъ изъ самыхъ нѣдръ земли, изъ глубины этихъ таинственныхъ могилъ, окутанныхъ снѣжнымъ саваномъ. Печальныя пихты подхватываютъ эти скорбные звуки, а вѣтеръ уноситъ ихъ вдаль.

— Эхъ, стонешь-то какъ сердешный, ровно мать родная; нѣтъ, ужъ видно, супротивъ судьбы своей не пойдешь“, задумчиво проговорилъ старикъ-сторожъ, покачивая сѣдой головой и направился было вдоль ограды.

— Стой, дядя, куда ты?—окликнулъ его ямщикъ—давай, курнемъ да покалякаемъ, озябъ я что-то сидѣмши, того и гляди, и вздремнешь тутъ, пожалуй.

Старикъ вернулся, присѣлъ на облучекъ саней, взялъ изъ предложеннаго ямщикомъ кисета щепоть табаку, свернулъ „цыгарку“ и, медленно раскуривъ ее, задумчиво уставился глазами по направленію къ кладбищу. Ямщикъ закурилъ тоже и, помолчавъ немного, снова обратился къ старику.

— „А что, дядя, не знашь-ли, по-комъ такъ убивается „тотъ?“—и онъ кивнулъ головой за ограду.—„Подрядилъ этта онъ меня сюды—вези, говоритъ, меня въ село ** да къ самой церкви, и штобы быть намъ тамъ съ тобой ровно въ полночь, ни раньше, ни позже—и штобы о томъ ни одна душа не провѣдала; ужъ заплачу, гритъ, будешь доволенъ. Признаться, страхъ меня забралъ: что за диковина, думаю себѣ, ровно въ сказкѣ; и что ему тамъ дѣлать-то въ самую полночь? Нѣтъ, говорю, баринъ, што хошь давай—не поѣду—потому—боязно; кто тебя знатъ—еще въ бѣду съ тобой попадешь. Ужъ онъ меня уламывалъ, уламывалъ, инда чуть не плачетъ. Ну, говорю, ужъ ладно, быть по твоему—ѣдемъ! И малаго-то жалко, и прогоны посулилъ изрядные; время-то праздничное, самъ знашь, деньжатъ нужно во-какъ. Авось—и ничего; чай, старики не напрасно выдумали: коли волковъ боишься, то и въ лѣсъ не ходи; а наше дѣло, ямщицкое, таково—всяко бываетъ.

....Вона, опять, инъ, вчужѣ сердце поетъ... Што это, снова ровно плачетъ, бѣдняга. Аль, пойти, окликнуть: пора, молъ, въ обратный, буде... И ямщикъ сталъ было слѣзать съ козелъ.

— „Погоди, поспѣешь,—остановилъ его старикъ—дай молодцу душу-то отвести всласть, можетъ, и полегчаетъ ему, горемычному. Вишь, въ могилкѣ-то эвтой самой лежитъ его зазнобушка, барышня наша безталанная—Варвара Дмитріевна, упокой Господь ея душеньку. Ужъ больно хороша была, сердешная, только бы жить да радоваться, да видно, что кому на роду написано.

Въ прошломъ годѣ, вишь ты, пріѣхалъ сюды къ намъ учитель, барчатъ обучать; знамо, дѣло молодое, барчатъ-то онъ училъ, да и съ барышней сталъ заниматься: стали вмѣстѣ книжки читать, она поиграетъ на фортопьянахъ, онъ попоетъ, да на скрипкѣ подтянетъ, гулять стали по садику, въ полѣ-анъ, глядишь, и полюбились другъ-дружкѣ. Все бы хорошо, парень, по нашему, хоть куды—смирный, умный, всякія науки произошелъ, да и изъ себя бравый; да по господскому, вишь, не такъ: она столбовая дворянка, имѣнье тоже, вишь, какое у насъ—благодать, а онъ—нѣтъ ничего. Какъ провѣдали о томъ отецъ да мачиха (баринъ-то нашъ вдругорядь оженимшись),—куда тебѣ, штобы и духу его не было. Знамо, сила, глядимъ, анъ изъ городу прислали другого губернера, а этому линія выпала туды, въ вашу сторону—штобы, значитъ, и слухомъ не слыхать было. Случилось это дѣло по осени, а вотъ въ самый-то праздничекъ Христовъ—въ самое Рождество, какъ ударили къ заутрени, барышня наша и душеньку Богу отдала. Что тутъ промежъ нихъ опосля въ дому было—Господь вѣдаетъ (больно-то крутенекъ нашъ баринъ, Богъ съ имъ), а только сказывала нянюшка ихняя, что дѣло-то не ладно пошло. Какъ спровадили-то молодца, такъ и стала барышня чахнуть—што день—то плоше, такъ истаяла, ровно свѣчка передъ образомъ, родимая. Знамо дѣло, кабы мать родная, не дала бы известись своему дѣтищу, а то....

—Э-эхъ! Не нашего, мужицкаго, ума дѣло,—дѣло господское, имъ про то и знать, а только больно жалко, золото была барышня, царство ей небесное, да и онъ-то—чѣмъ не парень—н-ну!... Одначе, пойти туды, кто его знатъ, что онъ тамъ думаетъ, ужъ буде! Отправляйтесь-ка вы съ нимъ, откуда пріѣхали, а то еще провѣдаетъ кто—не разхлебаешься; да гляди за имъ, вези то прямо домой, да дорогой поглядывай, какъ бы чего надъ собой не надумалъ: молодо—зелено.

И старикъ, кряхтя, направился за ограду, но, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до могилы, остановился да такъ и остался неподвиженъ, низко опустя свою сѣдую голову. Глубокая, непритворная скорбь невольно возбуждаетъ какое-то благоговѣйное уваженіе къ себѣ въ самой суровой душѣ... Тихо, какъ бы съ усиліемъ оторвавшись отъ дорогой могилы, приподнялся съ земли молодой человѣкъ и, снявъ шапку, выпрямился. Прекрасное, блѣдное лицо его, обрамленное густыми, темными кудрями, было обращено къ освѣщенному фосфорическимъ свѣтомъ луны, золоченому церковному кресту, надъ которымъ, миріадами сверкающихъ огней, сіяли звѣзды.

Неподвижно стоялъ юноша, простирая руки къ этому необъятному небесному своду; потомъ, медленно осѣнивъ себя крестомъ

намъ подъ Аверьяшку-трактирщика подпусти шутку... Всю деревню начисто ограбилъ...

— Ужъ я загну, я загну ему статью,—разгорячившись, кричалъ отецъ: такую жалобу на него настрочу что прямо его въ Сибирь упрячутъ... Я его доѣду... Онъ еще меня не знаетъ... Н-но... узнаетъ... Аминь ему будетъ, крышка, могила... Я его выучу-у!

— Гриша, стонала мать: не пей... Вредно тебѣ... Дѣтей перебудишь.

— Ахъ, отвяжись! гремѣлъ отецъ: дай хоть разъ въ жизни душу отвести... И что моя за жизнь? Каторга, а не жизнь.

А касательно Аверьяшки слово мое—оло-во. Живоглотъ, кровопивецъ, кровь изъ живыхъ людей сосетъ. Я ему покажу... Шалишь!... Я эдакую гадину въ острогѣ сгною...

— Ахъ, грѣховодники, грѣховодники,—шепталъ вернувшійся дѣдъ, умащиваясь около меня: На-ко-ся, спозаранку за водку взялись... Охъ, грѣхи наши, грѣхи!..

— Больно ты охочъ, какъ я посмотрю на тебя, бахвалиться,—поддразнивалъ кто-то изъ мужиковъ отца! Передъ водкой-то ты храберъ, а передъ Аверьяномъ душа у тебя въ пятки уйдетъ..

— У меня? кипятился отецъ.

— Да, у тебя... Небось сробѣешь передъ нимъ... Духъ корогокъ...

— Я сробѣю? Н-ну, нѣтъ... Посмотри, какъ я его передо всѣми осрамлю завтра, оконфужу...

— Посмотримъ. Оконфузь...

— И оконфужу... Сдѣлай милость,—не учи! Знаемъ съ твое...

— Гриша!.. доносился умоляющій голосъ матери.

— Ну ты еще чего заверезжала? Твое, что-ли, дѣло?.. Не вводи ты меня въ грѣхъ, не серди...

Съ головою закутывался я тулупомъ, чтобы не слыхать этого шума и криковъ отца. Мало-по-малу дремота одолѣвала меня. И чудился мнѣ сонъ. Стою будто я опять передъ колокольней. Въ складкахъ фронтона чернѣютъ спящія вороны... И вдругъ я лечу, лечу прямо туда, къ нимъ. Прижимаюсь плотно къ каменной стѣнѣ, а внутри ея кто-то однозвучно тукаетъ: тукъ, тукъ, тукъ!

— Это часы, думаю я...

— Нѣтъ, это не часы, это сердце у тебя бьется,—слышу я голосъ колокольни.

Смотрю, а птицы ужъ не птицы, а маленькіе человѣчки,—и отецъ тутъ, и мама, и дѣдушка, и Гаврилычъ и Василій. Всѣ сидятъ, всѣ молчатъ и ждутъ чего-то... Тихо кругомъ, темно. Страшно мнѣ дѣлается отъ этого безмолвія, только сердце въ каменной груди равномѣрно отчеканиваетъ: тукъ, тукъ, тукъ!....

— Мама, страшно мнѣ,—шепчу я матери: отчего это всѣ молчатъ, чего дожидаются?

— Молчи, Митя,—тихо отвѣчаетъ мама: скоро Христосъ родится, скоро ангелы запоютъ...

И на сердцѣ у меня становится свѣтло, радостно. Съ трепетомъ я смотрю на небо, а оттуда несется какая-то дивная мелодія... Все блеститъ, все горитъ лучезарнымъ блескомъ. И сонмы ангеловъ летятъ на землю, какъ бѣлоснѣжныя тучи. Крылья у нихъ золотыя и серебряныя. Они машутъ крыльями, звенятъ и поютъ... И все ближе, все ближе...

И вдругъ я просыпаюсь. Я весь подъ обаяніемъ чудеснаго сна. Я прислушиваюсь: не звучатъ-ли еще отголоски дивныхъ, торжественныхъ пѣсенъ? Гдѣ же ангелы?..

Промерзшія окна избушки сверкаютъ и трепещутъ розовымъ свѣтомъ. Пусто въ избѣ. Видно разъѣхались пріѣзжіе гости. Дѣдушка славить ушелъ. И мамы нѣтъ...

Вскакиваю, бѣгу къ окнамъ. Какъ славно на волѣ!

Небо все залито багрянцемъ, пышетъ и рдѣетъ. Исполинскія рѣки розоваго живого золота разметались по темносинему небу. На востокѣ они, эти потоки, совсѣмъ желтыя, янтарные на блѣдно-зеленомъ фонѣ. Бѣлый пушистый снѣгъ искрится и алѣетъ. Нѣтъ только бѣлыхъ ангеловъ съ золотыми и серебряными крылушками... Унеслись они, оставивъ розовый отблескъ на небѣ...

Громкій крикъ подъ окнами пробудилъ меня отъ мечтаній. Точно мама это кричитъ... Набросилъ я на плечи тулупчикъ и мигомъ очутился на улицѣ. Недалеко отъ нашей избы толпится куча народа. Дюжій, плечистый трактирщикъ Аверьянъ, схвативъ за шиворотъ, потрясалъ моего отца.

— Ахъ, ты крапивное сѣмя,—голосилъ Аверьянъ: туда-же ругаться? Кляуза чернильная... ругаться? И всего-то существа въ тебѣ на одинъ грошъ... Хлопну—мокренько будетъ... Чуствуешь, кляуза?

И придерживая одной рукой отца за воротъ, Аверьянъ то и дѣло „гвоздилъ" его по лицу громаднымъ кулачищемъ. Задыхаясь отъ бѣшенства, съ окровавленнымъ лицомъ, пьяный отецъ порывался тоже вцѣпиться въ трактирщика.

— Ну, бей, бей... Кровопивецъ... бей... Убивай на смерть,—въ каторгу пойдешь,—скрежеталъ зубами онъ, чувствуя свое безсиліе.

— Гриша, ради Бога оставь... Гриша!.. Аверьянъ Кузьмичъ,—бросьте его, пожалѣйте меня,—вопила мать, выбѣжавшая раздѣтой на морозъ.

— Вотъ тебѣ, крапивное сѣмя, угощенство... На, получай! вскричалъ наконецъ Аверьянъ, видимо натѣшившись и отбрасывая отца въ сугробъ. Въ толпѣ смѣялись, Оборванный, всклокоченный, пошатываясь, всталъ отецъ. Съ лица его капала кровь и пятнала чистый снѣгъ...

— Гриша! пойдемъ домой, Бога ради пойдемъ,—умоляла мать.

— Брысь ты, анаѳема! Не подходи,—убью! ревѣлъ отецъ: Видѣть тебя не могу... Не попадайся лучше на глаза... Изувѣчу... И шатаясь поплелся онъ въ избу.

Испуганный я съежился въ темномъ уголкѣ, стараясь не попадаться отцу на глаза. Изъ какого-то переулка доносился бабій вой... Гдѣ то нескладно начиналась пѣсня... У околицы густѣла толпа: видно, кто нибудь устроилъ драку...

— Нѣтъ, съ болью на сердцѣ шепталъ я: ангелы не полетятъ сюда... Когда-же въ деревнѣ будетъ все тихо, свѣтло, празднично? Когда-же для темной деревни родится Христосъ и прилетятъ тихіе ангелы!

М.

вернулся къ могилѣ и, опустившись на колѣни, припалъ къ ней.

— Прощай, моя желанная, прощай Варя, прощай, мой свѣтъ, моя ясная, лучезарная звѣзда! Ты улетѣла въ иной, далекій міръ, но и оттуда ты будешь сіять для меня чистымъ путеводнымъ свѣтомъ. Пока я живъ—не умрутъ во мнѣ твои завѣты; я—весь твой; ты умерла изъ-за меня, а я буду жить для тебя, для служенія твоимъ идеаламъ, во имя твоей святой жертвы, моя чистая, непорочная!.. Ты слышишь ли меня, моя Варя, внимаешь-ли моимъ обѣтамъ? Да, я чувствую въ своемъ сердцѣ, что ты меня слышишь. Ты запретила мнѣ умереть—ты указала и завѣщала мнѣ новый путь, и я вступлю на него. Здѣсь, у подножія этой святыни моей души, гдѣ покоишься ты, моя непорочная, въ эту святую ночь слагаю съ себя все прежнее, все то, что стремилась ты побороть во мнѣ, и даю клятву стать новымъ человѣкомъ. Твоя великая жертва должна быть искуплена мною великими страданіями... Я вернусь сюда къ тебѣ уже обновленный, очищенный страданіями, и тогда только дерзну снова припасть къ твоему святому праху. Прощай же, моя родная, моя безгрѣшная мученица!...

Пошатываясь, невѣрными шагами, съ застывшимъ выраженіемъ безпредѣльной муки на смертельно блѣдномъ лицѣ, словно призракъ, вставшій изъ гроба, медленно удалялся юноша отъ завѣтной могилы, какъ былъ, безъ шапки, съ разстегнутымъ воротникомъ пальто.

— „Баринъ, Сергѣй Ильичъ, шапку-то возьми!" — нагналъ его старикъ, но, взглянувъ ему въ лицо, уныло покачалъ головой и, надѣвъ на него шапку, тихонько взялъ за плечо и повелъ къ выходу. Тамъ онъ усадилъ его въ сани, бережно укуталъ мѣховою полостью и молча махнулъ рукою ямщику, выразительно кивнувъ головой на сѣдока. „Помни, молъ, наказъ мой: береги его дорогой, да поглядывай".

Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ и застоявшіяся лошадки быстрой рысцой подхватили съ горы и вскорѣ исчезли изъ виду, оставивъ глубокій слѣдъ на мягкомъ снѣгу.

А старикъ—старикъ долго еще стоялъ, понурившись, на томъ же мѣстѣ, словно прислушиваясь къ своимъ собственнымъ думамъ. Непрошеныя слезы медленно скатываются изъ его старческихъ глазъ по морщинистому лицу и исчезаютъ въ сѣдой бородѣ.

— „Э-эхъ, горемычный, путь тебѣ добрый! Выбирайся ка съ Богомъ на новую дорогу, безталанный!"—проговорилъ наконецъ старикъ и, глубоко вздохнувъ, перекрестился нѣсколько разъ на церковь и медленно поплелся въ свою караулку.

Сфинксъ.

ДОМОЙ.

Вотъ и послѣдній лѣсокъ...
Ну-ка, пѣгашка, рысцою:
Только минуемъ долокъ,
Будемъ мы дома съ тобою.
Ишь, какъ крѣпчаетъ морозъ,
Щиплетъ и ноги, и руки....
Эхъ, какъ ѣзжали въ извозъ,
Понатерпѣлись мы муки,
Пѣгій, съ тобой .. Погоди:
Дома вздохнемъ хоть немного,
Ждутъ насъ съ тобою, поди,
Смотрятъ весь день на дорогу.
Дома-то плохо,—нужда...
Годъ выпалъ нынѣ тяжелый;
Хлѣбъ съ лебедою—ѣда
И по сусѣкамъ все голо.
Мучки веземъ мы мѣшокъ,
Да въ кошелѣ три цѣлковыхъ...
Бабѣ съ разводомъ платокъ
И ребятишкамъ обновы.
Мишкѣ суконный картузъ,
Ситцу на платье Паранькѣ,
Ванька еще—карапузъ,
Будетъ съ него и баранки...
Ну-ка, пѣгашка, рысцой!
Вотъ недалече и хата...
Ишь, понеслися гурьбой
Тятьку встрѣчать, пострѣлята!
Такъ вотъ и мчатся стрѣлой...
Съ розбѣгу въ сани попали...
Тише, вы тише... Постой!
Тятьку совсѣмъ затрепали...

— 3.

МЕЛЬНИЦА.

Рождественскій очеркъ И. Н. ПОТАПЕНКО.

Служба кончилась засвѣтло. Солнце уже зашло, но сумерки тянутся долго. Бѣлая снѣжная скатерть, покрывавшая и рѣчку, на высокомъ берегу которой красовалась старая сельская церковь съ деревянной крышей, съ колоколами на двухъ толстыхъ столбахъ, и деревенскую улицу, и крыши мужицкихъ хатъ, и всю окрестность, въ продолженіе цѣлаго дня обновлялась новымъ пушистымъ снѣгомъ, въ видѣ легкихъ перышекъ, падавшимъ съ неба. Народъ тихо выходилъ изъ церковной ограды и расползался по разнымъ угламъ села. Овчинные кожухи и шапки, красные пояса, высокіе юхтовые сапоги, смазанные свѣжимъ дегтемъ и оставлявшіе на снѣгу гигантскіе слѣды огромныхъ подошвъ съ подковами, женскія кофты изъ малиновой фланели на ватѣ, пестрыя юбки вертлявыхъ дивчинъ, согрѣвавшихся собственною горячею кровью и потому не боявшихся холода, яркіе праздничные платки, окутывавшіе головы,—все это смѣшивалось и спутывалось и, двигаясь неправильными линіями во всѣ стороны отъ церкви, представляло красивую живую картину.

Дьякъ Самсонъ и старый батюшка отецъ Пафнутій вышли изъ церкви послѣдними. Хромой церковный сторожъ Василій стоялъ на паперти съ большимъ ключомъ въ рукахъ, чтобы запереть церковь.

— Такъ я уже пойду, отецъ Пафнутій, сказалъ Самсонъ и, почтительно поклонившись, хотѣлъ-было идти въ церковный домъ, гдѣ находилась его квартира.

Батюшка кивнулъ ему головой, но едва онъ спустился на двѣ ступеньки съ паперти, какъ отецъ Пафнутій остановилъ его:—А, погоди, Самсонъ, я совсѣмъ позабылъ... Вѣдь тебѣ, какъ человѣку одинокому, негдѣ и кутьи со взваромъ покушать. Не такъ ли?

— Гдѣ же мнѣ? Само собою... отвѣтилъ дьякъ Самсонъ.—Конечно, какъ я человѣкъ одинокій...

— Ну, то-то? Такъ ты приходи къ намъ, и матушка просила... Приходи, Самсонъ! У насъ наготовлено—и для тебя хватитъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, отецъ Пафнутій! сказалъ Самсонъ и низко поклонился.

— Да, да, приходи... Какъ хорошенько стемнѣетъ, такъ ты сейчасъ же и являйся, мы тогда и сядемъ за трапезу... Я и матушкѣ скажу, что ты обѣщалъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю! еще разъ сказалъ Самсонъ и, считая это дѣло поконченнымъ, быстро сбѣжалъ съ паперти и отправился къ себѣ, а батюшка тихо поплелся къ воротамъ, осторожно ступая и помогая своимъ старымъ ногамъ толстою кипарисною палкою съ многограннымъ серебрянымъ набалдашникомъ.

Сторожъ стукнулъ засовомъ, звякнулъ ключомъ, съ силой повернувъ его въ замкѣ. Батюшка пошелъ своей дорогой; а дьякъ Самсонъ вошелъ въ темныя сѣни и, нащупавъ дверь въ свою квартиру, отворилъ ее. Онъ часто при этомъ потиралъ руки отъ холода. На немъ былъ всего-на-всего легонькій шерстяной кафтанчикъ съ узенькими рукавами да мѣховая шапка на головѣ. Такъ какъ онъ жилъ близко, то и не обременялъ свои плечи тяжелой одеждой, да и возрастъ его былъ такой, что стыдно было кутаться въ тулупъ, когда на дворѣ, несмотря на крѣпко державшійся снѣгъ и ледъ, сковывавшій всю рѣчку, весь день ярко свѣтило солнце, играя своими лучами въ блестящихъ снѣжинкахъ. Дьяку Самсону было всего тридцать три года, щеки у него были румяныя, станъ прямой, на головѣ куча кудрявыхъ волосъ, темные глаза его горѣли молодымъ огнемъ, а надъ ними выступали густыя, черныя брови.

Дьякъ Самсонъ попрыгалъ по большой, но довольно пустынной комнатѣ, чтобы согрѣть и ноги, озябшія отъ долгаго стоянія на клиросѣ, да, кстати, чтобы измѣрить температуру воздуха въ своемъ жилищѣ, пустилъ изо рта густѣйшую струю пара, доказавшаго, что въ этой квартирѣ топливо обходится слишкомъ дешево.

„Э, ничего", подумалъ онъ, „скоро пойду къ батюшкѣ, а у него въ домѣ тепло натоплено, да къ тому же еще подогрѣюсь матушкиной вишневкой да пирожками, а потомъ приду домой, завернусь съ головой въ кожухъ и засну, какъ богатырь... Славная вишневка у матушки, да и пироги она печетъ просто чудо! „Однако", прибавилъ онъ, „надо бы зажечь свѣчку, а то ничего не видно".

Онъ сталъ шарить у себя въ карманахъ, разыскивая спички, но вдругъ вздрогнулъ и выпрямился. Повидимому, изъ сосѣдней комнаты, гдѣ была его спальня, то есть стояла кровать, а надъ нею на стѣнкѣ былъ вбитъ большой гвоздь, чтобы вѣшать на него туалетныя принадлежности, раздался звучный басовый голосъ:—За ваше здоровье, дьяче!

Но недоумѣніе Самсона длилось всего одну секунду. Онъ тотчасъ же сообразилъ, что это никто иной, какъ учитель сельской школы Наумъ Отверзаевъ, его закадычный другъ. Никто другой не могъ тамъ быть. Очевидно, онъ забрался къ нему еще въ то время, когда въ церкви кончилась служба, и засѣлъ въ спальнѣ со своимъ обычнымъ спутникомъ—полштофомъ.

— Ну, да, я такъ и зналъ, промолвилъ Самсонъ,—это ты, Наумъ! когда же ты успѣлъ?

— Да зажги ты, ради Бога, хоть свѣчку! пробасилъ учитель,—а то, вѣдь, я рюмкой въ ротъ не попаду...

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

„Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ!.."

Такъ привѣтствуютъ сегодня другъ друга на св. Руси.... Да полно, существуетъ-ли въ дѣйствительности счастье, будь оно старое или новое? Многіе скептики отрицаютъ существованіе счастья.

— Какое счастье?... говорятъ они,—его нѣтъ и быть не можетъ, все это пустые звуки, миражи, призраки, которые при малѣйшемъ дуновеніи дѣйствительной жизни разлетаются безслѣдно.

Можетъ быть и счастье также легко разлетается, какъ миражи, но это доказываетъ только, что оно не прочно. Но что на землѣ есть прочное, когда сама жизнь есть такой же призракъ, зависящій отъ всевозможныхъ случайностей, который моментально разлетается, разъ къ нему прикоснутся холодныя объятія смерти. Но.... счастье все-же существуетъ, только, конечно, понятіе о счастьѣ—до безконечности растяжимое понятіе. Одинъ, напр., представляетъ счастье въ видѣ золотыхъ тельцовъ, другой видитъ счастье въ блаженномъ процессѣ обрѣзыванія купоновъ отъ процентныхъ бумагъ, третій—въ особенномъ поклоненіи женщинамъ и т. д. и т. д. Словомъ—счастье для такихъ людей въ большинствѣ случаевъ сводится къ *довольству*, къ чувству сытаго довольства человѣка, который не знаетъ ничего, кромѣ своихъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ, которому не доступны людскія страданія и горе, который не желаетъ вѣдать, что существуютъ высшіе человѣческіе идеалы, приближающіе его къ истинному счастью.

Попробуйте достигнуть этихъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ: любить ближняго, любить правду, дѣлать добро людямъ, больше, больше добра,—и тогда не трудно будетъ понять въ чемъ заключается счастье, не призрачное, эѳимерное счастье, а *истинное* счастье, имѣющее своимъ источникомъ высшее духовное удовлетвореніе.

И такъ, господа, пишущій эти строки желаетъ вамъ истиннаго счастья.

Съ новымъ годомъ!

Декабрь мѣсяцъ—это мѣсяцъ кипучей дѣятельности почти во всѣхъ сферахъ городской жизни: губернское земское собраніе, дворянское собраніе, сессія окружнаго суда съ рядомъ выдающихся дѣлъ и т. д.

Замѣчательно „гладко" шло послѣднее земское собраніе, помимо того, что оно представляетъ далеко незаурядный интересъ по тѣмъ выдающимся вопросамъ, которые разрѣшались на этомъ собраніи. Губернское земское собраніе закончилось выборами, при чемъ былъ выбранъ прежній предсѣдатель—В. В. Хвощинскій.

Отголоски нижегородскаго губ. зем. собранія даже въ сѣверной столицѣ комментировались по слѣдующему поводу. Въ Петербургѣ пришли въ изумленіе, прочитавъ заявленіе г. управляющаго государственными имуществами, сдѣланное на земскомъ собраніи о томъ, что въ макарьевскомъ уѣздѣ куб. сажень березовыхъ дровъ стоитъ 30 к. и, несмотря на такую баснословную дешевизну, не имѣютъ сбыта, при этомъ г-нъ управляющій находилъ весьма полезнымъ въ такихъ мѣстностяхъ развивать лѣсные кустарные промыслы.

— Но почему же, спрашиваетъ одна петербургская газета, тридцати копѣечныя дрова не экспортируются изъ макарьевскаго уѣзда въ Петербургъ, гдѣ теперь „дровяной" кризисъ?

Ахъ, какъ ларчикъ просто открывается,—да потому, что за моремъ.... и т. д., старая, всѣмъ извѣстная пословица.

На послѣдней сессіи между прочимъ разбиралось дѣло по обвиненію мужа и жены Овчинниковыхъ въ убійствѣ дяди-старика Маркела; при чемъ вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Арина Овчинникова признана виновной въ убійствѣ, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и безъ корыстной цѣли; мужъ ея оправданъ. Судъ приговорилъ Арину Овчинникову къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ.

Дѣло производитъ самое гнетущее впечатлѣніе по своей, такъ сказать, фанатической простотѣ. Кроткая, тихая женщина, психически признанная совершенно нормальной, убиваетъ старика такъ безхитростно просто, точно папиросу выкурила. Причины, вызвавшія преступленіе, заключались въ томъ, какъ объяснила обвиняемая, что покойный оскорблялъ ее, но эти причины не подтвердились на судѣ и такимъ образомъ дѣло представляется еще „простѣе" и еще болѣе возмутительнымъ.

Самсонъ зажегъ свѣчу, принесъ ее въ спальню и поставилъ на табуреткѣ.—Фу ты пропасть! сказалъ онъ, когда свѣча освѣтила стоявшую на табуретѣ зеленую посудину и стаканчикъ.—Да развѣ ты неправославный христіанинъ, что ли?

— Что такое?

— Да какъ же? люди не успѣли еще изъ церкви выйти, а ты уже съ полштофомъ сидишь, а время постное и завтра праздникъ какой, самъ знаешь!

— Да ты чего расходился? Ты посмотри прежде: вѣдь полштофъ-то запечатанный стоитъ, я къ нему и не прикасался, тебя ждалъ. Понимаешь ты, Самсонъ?

— Ну, это другое дѣло.. А я думалъ...

— То-то думалъ, а ты не думай, а разсуждай здраво. По твоему, я безбожникъ, что-ли?

— Нѣтъ, я не говорю.

— Или, можетъ быть, пьяница, а?

— Нѣтъ, я не говорю, что ты пьяница. Выпить любишь, это дѣйствительно.

— А ты не любишь, а?

— Положимъ, и я непрочь, ежели во благовременіи...

— То-то, во благовременіи! Напрасно только нападаешь на человѣка. Эхъ, Самсонъ! Выходитъ, что вовсе ты и не Самсонъ, а, можно сказать, филистимлянинъ. Давай-ка пробочникъ, откросмъ.

— Открывай, коли хочешь, а я пить не стану.

— Какъ не станешь? По какой-такой причинѣ не станешь?

— Не стану. Мнѣ невозможно... Меня отецъ Пафнутій позвалъ къ себѣ кутью ѣсть; долженъ-же я явиться къ нему какъ слѣдуетъ?

— Кто позвалъ? Отецъ Пафнутій? И ты пойдешь?

— А какъ-же не пойти? Развѣ можно не пойти, ежели настоятель зоветъ? И матушка, говоритъ, просила,—какъ-же тутъ не пойти?

— Такъ... Значитъ, ты пойдешь... такъ, такъ... Ну, и животное-же ты, Самсонъ. Истинно ты—филистимлянинъ... Какъ-же это ты хочешь въ такой, можно сказать, торжественный день оставить своего друга одинокимъ? Давай-же пробочникъ, говорю тебѣ... Ну, не хочешь пить, не надо. Я одинъ буду пить... А хочешь, я подержу пари, что ты не пойдешь къ отцу Пафнутію?

— Э, что тамъ болтать... Какъ я могу не пойти, ежели я дьячокъ... А онъ настоятель.

— И вовсе ты не дьячокъ, теперь дьячковъ не полагается, даже такого названія нѣтъ;—ты псаломщикъ.

— Это все единственно; все равно.—обязанъ пойти

— По должности?

— Именно по должности.

— По должности обязанъ пироги кушать... Такъ слушай, что я тебѣ разскажу... Ну, а пока по одной, я думаю, можно выпить.

— Запахъ будетъ, неловко.

— Вотъ пустое... А ты возьми кусочекъ ладону, да подожги его, да обкурись и весь запахъ пройдетъ,—такъ и будетъ ладаномъ пахнуть. Ну-ка, хватимъ.

— Да оно, пожалуй, по одной, что-же... давай!

Самсонъ взялъ у него стаканчикъ, опрокинулъ себѣ въ ротъ и проглотилъ содержимое.—Про какое-же это ты пари говорилъ?

— Ага, вспомнилъ. Да вотъ ты подержи... Хочешь—на шапку твою мѣховую?

— Какъ-же я могу на шапку, когда она у меня одна? что-же мнѣ останется?

— Такъ, можетъ, ты выиграешь?

— Э, да ну, что тамъ разсказывай такъ...

— Ага, любопытенъ! Да тутъ и разсказывать нечего... Вышелъ я изъ церкви и иду себѣ по оградѣ, анъ, гляжу, на встрѣчу мнѣ дивчина. Присматриваюсь—Гапка Чеботаренкова. Здравствуйте, говоритъ, панъ учитель! Здравствуй, говорю, Гапанько; Вы, говоритъ, повидаете Самсона Акимыча? А какъ-же, говорю, не повидать? я его, можно сказать, день и ночь вижу. Такъ скажите, говоритъ, имъ, что батько и матерь и я просимъ ихъ не позабыть про сегодняшнюю нашу вечерю да и сами приходите, панъ учитель. Что, братъ Самсонъ, въ недоумѣніи? А? Выпей-ка еще одну и недоумѣніе разсѣется, какъ дымъ, либо какъ воскъ отъ лица огня. Вѣдь ты обѣщалъ Гапкѣ?

— Обѣщалъ, братецъ ты мой, обѣщалъ! Ну, и голова-же у меня, совершенно мельница!

— Гм... Гапкина мельница! та самая, которую ея батько даетъ за нею въ приданое? такъ, что-ли?

— Такъ какъ-же быть? посовѣтуй! Не пойти къ батюшкѣ нельзя, неловко, матушка обидится. Отецъ Пафнутій дуться будетъ... Опять-же и къ Гапкѣ... Какъ не пойти къ Гапкѣ, когда...

— Когда у нея такіе глаза, что отъ нихъ у тебя душа замираетъ... Такъ-то Самсонъ, плохое твое положеніе. Сочувствую... А ты вотъ что. Давай-ка хватимъ по третьей и увидишь, какъ сію-же минуту и соображеніе явится...

Выпили по третьей. Самсонъ какъ-то весь встрепенулся и самъ уже налилъ себѣ четвертую. Послѣ этого онъ скоро захмѣлѣлъ и началъ наливать себѣ рюмку за рюмкой; ужъ даже Отверзаевъ и тотъ останавливалъ его, но сдѣлать это было очень трудно. Самсонъ началъ вертѣть руками передъ самымъ носомъ своего друга и говорилъ:

— Нѣтъ, ты постой. Почему я долженъ идти къ батюшкѣ? Что онъ мнѣ, начальство? Ну, такъ что-жъ? что такое начальство? Начальство, конечно, отъ Бога поставлено: а почему я долженъ у начальства кутью кушать? А почему узваръ и пироги и прочее? Гдѣ это написано? спрашиваю я тебя. Гдѣ это написано? Въ какомъ законѣ? По какому случаю я долженъ туда идти, ежели мнѣ Гапкинъ домъ больше нравится? Понимаешь ли это, Наумъ Отверзаевъ? Понимаешь ты, что такое есть Гапка? Ежели я на ней женюсь, напримѣръ, такъ это значитъ... мельница... того. Понимаешь, мельница Чеботаренка... Понялъ? Вотъ то-то и оно...

Больше ничего не сказалъ дьякъ Самсонъ по этому поводу, да онъ ничего и не могъ сказать, потому что тутъ произошли такія странныя вещи, какихъ ни онъ, ни его другъ Наумъ Отверзаевъ не могли ожидать.

Въ комнатѣ сдѣлалось жарко, какъ будто разомъ натопили всѣ три печки, которыя обыкновенно стояли холодными. „И откуда только взялись дрова? Думалъ Самсонъ.

— Ну, ты готовъ? спросилъ Отверзаевъ.

— А вотъ погоди, только подпояшусь.

Самсонъ стоитъ въ овчинномъ тулупѣ и подпоясывается краснымъ поясомъ, тѣмъ самымъ, что былъ сегодня въ церкви на старостиномъ сынѣ Пахомѣ, самомъ красивомъ парнѣ въ деревнѣ, за которомъ гоняются всѣ дѣвки. Они загасили свѣчку и вышли.

— Ты куда? спрашиваетъ Отверзаевъ.

— Я къ матушкѣ; развѣ ты не знаешь? Я же на ней женюсь... Завтра наша свадьба.

— Такъ, такъ, говоритъ Отверзаевъ,—свадьба, такъ свадьба. А кто же васъ вѣнчать будетъ?

— Какъ кто? Извѣстно кто. Батюшка. Я ужъ ему говорилъ, а онъ сказалъ ладно; пять карбованцевъ, говорилъ, дашь, да два мѣшка жита. Что-жъ, это недорого...

Мѣсяцъ свѣтитъ, на небѣ—полный, круглый, какъ сковорода, на которой пекутъ блины на масляницѣ. Звѣзды горятъ ярко-преярко и всѣ какъ-то странно подмигиваютъ, словно хотятъ сказать что-то смѣшное. Самсонъ оглянулся. Отверзаева не было съ нимъ, а на его мѣстѣ стоитъ Барбосъ, огромная мохнатая собака, которая сторожитъ и церковный домъ, и ограду и бережетъ ночью сторожа Василія, когда онъ спитъ на паперти.

— Наумъ, Наумъ! кричитъ дьякъ Самсонъ и собака бѣжитъ за нимъ и ласкается къ нему... и Самсонъ очень хорошо видитъ, что эта собака и есть именно Наумъ Отверзаевъ и понимаетъ, почему это такъ произошло:—это въ наказаніе за то, что учитель, въ то время, когда народъ еще не вышелъ изъ церкви, сидѣлъ уже въ его комнатѣ съ полштофомъ.—Видишь, Наумъ, молвитъ Самсонъ, обращаясь къ собакѣ,—говорилъ я тебѣ, говорилъ!..

— Говорилъ, говорилъ! повторяетъ вслѣдъ за нимъ Наумъ и вдругъ становится на заднія лапы, а переднія кладетъ ему на плечи и своимъ горячимъ языкомъ лижетъ ему лицо. „То-то, думаетъ Самсонъ,—значитъ, чувствуетъ“.

А вотъ и батюшкинъ дворъ. Одно только странно,—что, несмотря на то, что стоитъ ночь и круглый мѣсяцъ роняетъ свой блѣдный свѣтъ на землю, а звѣзды мигаютъ попрежнему, дворъ отца Пафнутія ярко освѣщенъ, какъ днемъ. Посреди двора—длинный столъ, на столѣ множество мисокъ и тарелокъ съ кутьей, узваромъ, пирогами, жареной рыбой и множествомъ другихъ яствъ, которымъ Самсонъ даже названія не знаетъ: а за столомъ рядышкомъ сидятъ Чеботаренко, жена его, Гапка, и, наконецъ, на самомъ краю—батюшка и рядомъ съ нимъ мельница... Та самая мельница, которую Чеботаренко даетъ въ приданое за своей дочкой Гапкой. То есть какъ же это можетъ быть, чтобы рядомъ съ батюшкой сидѣла мельница? Да, ужъ тамъ можетъ или не можетъ, а только это такъ,—сидитъ, ну, вотъ сидитъ и крыльями машетъ. И у этой мельницы есть голова и это—голова матушки. И щеки у нея толстыя и носикъ маленькій и на подбородкѣ большое родимое пятно, изъ котораго растутъ три длинныхъ волоска, точь-въ-точь какъ у матушки... Фу, ты пропасть, какія чудеса! Но, вѣдь, мельница принадлежитъ Чеботаренку, онъ даетъ ее въ приданое за своей дочкой, Гапкой, и почему это на лѣвомъ крылѣ мельницы, на самомъ кончикѣ, сидитъ передъ табуретомъ Наумъ Отверзаевъ, и передъ нимъ стоитъ полуштофъ? Вѣдь онъ—учитель, Наумъ Отверзаевъ! Почему же онъ сидитъ на мельничномъ крылѣ, которое все вертится, вертится, вертится...

Вѣдь ихъ обоихъ разомъ выгнали изъ семинаріи за неспособность. Только Отверзаевъ пошелъ по учительской части, а онъ, Самсонъ, сдѣлался дьячкомъ. А какъ жарко натоплено во дворѣ отца Пафнутія,—и это очень странно, потому что вѣдь еще стоитъ зима. Кругомъ снѣгъ и крыша покрыта снѣгомъ и на крышѣ гнѣздо аистовъ, которые покинули его, когда на зиму перелетѣли въ теплыя страны,—все засыпано бѣлымъ снѣгомъ... А изъ гнѣзда изъ-подъ самаго снѣга, вдругъ вылѣзаетъ голова, ну, да, настоящая человѣческая голова и вѣдь это никто иной, какъ отецъ инспекторъ и онъ сидитъ въ семинарской канцеляріи за большимъ столомъ и говоритъ:—Вотъ тебѣ, Самсонъ Крутенко, свидѣтельство и можешь ты идти съ нимъ на всѣ четыре стороны свѣта! Ты—добрый малый и въ поведеніи тебѣ мы поставили пять, а способностей у тебя нѣтъ... Ищи себѣ дьячковскаго мѣста... Сказалъ это отецъ инспекторъ, замахалъ крыльями, защелкалъ длиннымъ острымъ клювомъ и полетѣлъ въ теплыя страны.

— Отецъ инспекторъ! отецъ инспекторъ! постойте одну минутку... кричитъ Самсонъ.

— А что тебѣ?

— Позвольте, отецъ инспекторъ; въ свидѣтельствѣ этого не сказано,—можно ли мнѣ жениться?

— А на комъ?

— Какъ на комъ? на Гапкѣ. На Гапкѣ Чеботаренковой.

— Какъ? на Гапкѣ? а не на матушкѣ?

— Нѣтъ, что вы, отецъ инспекторъ, развѣ можно на матушкѣ жениться? Нѣтъ, я на Гапкѣ, на Гапкѣ, я люблю Гапку. У нея такіе славные, такіе темные глаза, глубокіе, какъ колодезь, который недавно вырылъ въ своемъ вишневомъ саду ея батько.

— Ну, коли на Гапкѣ, такъ можно. Эй, вы, звонари! Звоните во всѣ колокола! Самсонъ женится на Гапкѣ. Эй!

И поднялся страшный трезвонъ. Всѣ колокола всѣхъ колоколенъ губернскаго города заревѣли и затрещали на всѣ лады. А дьякъ Самсонъ идетъ себѣ важно подъ ручку съ Гапкой, а Гапка въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ разноцвѣтными лентами въ волосахъ, съ дорогими монистами на шеѣ; на улицѣ множество народа, толпа передъ ними разступается, а позади идетъ самъ ея батько, Карпо Чеботаренко, подъ руку съ вѣтряной мельницей, которая чинно кланяется во всѣ стороны: бомъ, бомъ, бомъ...

— Эй, ты, филистимлянинъ!.. Вставай, къ заутренѣ звонятъ, батюшка придетъ!

И кто-то толкаетъ Самсона въ бокъ. Самсонъ съ большимъ трудомъ поднялъ тяжелую голову и протеръ глаза. Свѣчка давно догорѣла и потухла. Сквозь окна пробивается слабый утренній свѣтъ. Въ комнатѣ холодно. Онъ въ одномъ кафтанишкѣ, страшно ежится, его бьетъ лихорадка. Въ головѣ непроходимый туманъ. Передъ нимъ стоитъ Наумъ Отверзаевъ съ растрепанной головой, съ заспанымъ лицомъ, съ разбойничьимъ выраженіемъ въ глазахъ...

— Что же это такое значитъ? спрашиваетъ Самсонъ, никакъ не будучи въ состояніи понять, въ чемъ дѣло.

— А то и значитъ! кратко отвѣтствуетъ Наумъ Отверзаевъ и больше не даетъ никакихъ объясненій.

— Такъ это мы, значитъ, тово... Заснули! А? гадаетъ Самсонъ, у котораго въ головѣ начинаютъ появляться слабые проблески воспоминанія.

— Заснули, братъ! баситъ Отверзаевъ.

— И у отца Пафнутія я не былъ на кутьѣ?

— Надо полагать, что не былъ...

— И у Гапки не былъ?

— Полагать надо. А, впрочемъ, чортъ тебя знаетъ, можетъ быть, ты былъ тамъ и самъ...

— Какъ же это случилось? По какой причинѣ?

Наумъ Отверзаевъ нагнулся къ табурету, взялъ опустѣлый штофъ и, поднеся его къ самымъ глазамъ Самсона, проговорилъ:—а вотъ, братецъ ты мой, гдѣ была причина, да только ея, ужъ, больше тутъ нѣтъ: вчера мы съ тобой всю вылакали...

—Брр! произнесъ Самсонъ и, вспомнивъ теперь совершенно ясно о вчерашнемъ происшествіи, вдругъ почувствовалъ глубокое отвращеніе къ водкѣ.

— Что-жъ я теперь скажу ей? Что я скажу отцу Пафнутію? Что я Гапкѣ скажу?

— Да ужъ что-нибудь скажешь... А самое лучшее—промолчи...

Въ это время хромой сторожъ Василій уже нетерпѣливо стучалъ въ окно, а медленный звонъ колоколовъ на столбахъ деревянной колокольни перешелъ въ частый трезвонъ. Дьякъ Самсонъ всталъ, встряхнулся, схватилъ гребенку и постарался кое-какъ привести въ порядокъ свои сбившіеся въ одинъ комъ кудри, потомъ отыскалъ кружку съ водой, плеснулъ себѣ холодной влаги въ лицо и вытерся полой кафтана.

— Фу, ты, Господи! вотъ такъ кутья! промолвилъ онъ застегивая пуговицу на шеѣ,—и вѣдь это все ты, Наумъ, виноватъ! говорилъ я тебѣ—не надо пить, а ты что? ладономъ, говоритъ, подкури? Вотъ тебѣ и ладонъ!

Дьякъ Самсонъ могъ бы еще многое сказать въ укоръ и поученіе своему другу, но надо было идти въ церковь. Народъ уже собирался, батюшка стоялъ въ алтарѣ, въ облаченіи. Самсонъ вошелъ въ церковь, перекрестился, потомъ направился въ алтарь и подошелъ къ батюшкѣ.

— Ужъ простите, ради Бога, отецъ Пафнутій, сказалъ онъ,— вчерашняго дня со мною такое приключеніе совершилось, что даже и разсказать нельзя...

Отецъ Пафнутій пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и только покачалъ головой. Онъ совершенно явственно понялъ, въ чемъ заключалось приключеніе, совершившееся съ дьячкомъ Самсономъ.

— И Отверзаевъ былъ при этомъ? спросилъ онъ.

— Былъ! робко и покорно отвѣтилъ Самсонъ.

— То-то и оно! укоризненно сказалъ о. Пафнутій.—А мы тебя ждали. И матушка ждала. А пироги какіе вкусные были...

„Эхъ, подумалъ дьякъ-Самсонъ: что пироги? Еще неизвѣстно, что скажутъ мнѣ сегодня Гапкины глазки... Это похуже пироговъ будетъ“!

И онъ пошелъ на клиросъ, чтобы занять свое обычное мѣсто и начать чтеніе каѳизмы. Но онъ не могъ читать внимательно. Гапка стояла впереди, на ней была новая кофта, обшитая золотымъ позументомъ. Голова была окутана краснымъ платочкомъ, а глаза у Гапки были такіе хмурые и она ни разу не взглянула на него. А тутъ еще, очевидно ему на зло, съ правой стороны церкви, гдѣ стоятъ парни, впереди всѣхъ нахально красуется—старостинъ сынъ Пахомъ, въ новомъ кожухѣ, отъ котораго еще несетъ свѣжей овчиной, и кожухъ этотъ подпоясанъ тѣмъ самымъ краснымъ поясомъ, который снился Самсону. А вѣдь Пахомъ—его соперникъ и.. Ой-ой-ой!... Кажется, Гапка на него что то поглядываетъ?.. „Сейчасъ-же, какъ только кончится обѣдня, побѣгу къ Чеботаренкамъ и поздравлю ихъ съ праздникомъ... Пойду къ нимъ прежде, чѣмъ къ о. Пафнутію... А если Отверзаевъ опять станетъ мнѣ на дорогѣ я... я убью его“...

Держатся упорные слухи, что Н. И. Собольщиковъ-Самаринъ покидаетъ нижегородскую антрепризу. Если эти слухи справедливы, то прежде всего—искренно жаль нижегор. театръ, пока во главѣ его стоялъ Николай Ивановичъ, театръ переживалъ, если не золотой вѣкъ, то лучшее время. Если мы видимъ кое-какіе недочеты за послѣдній сезонъ, то очень можетъ быть, что эти недочеты представляютъ простую ошибку, а кто не ошибается?.... Да наконецъ не слѣдуетъ забывать, что эти недочеты своей чувствительной тяжестью прежде всего ложатся на антрепренера.

Впрочемъ, и Николаю Ивановичу, думается намъ, не легко будетъ покинуть нижегородскій театръ, ибо нижегородское общество замѣчательно тепло и симпатично относилось къ нему.

Передъ Новымъ годомъ въ Ярославлѣ появился на свѣтъ Божій собратъ по профессіи—„Сѣв. Край“. Мы видѣли этого собрата; новорожденный—прелестный ребенокъ, съ чудными ясными глазами, смотритъ на весь Божій міръ такъ свѣтло, привѣтливо, вѣритъ въ грядущее будущее, вѣритъ въ святость и добро своего жизненнаго назначенія.... Словомъ—много, много хорошаго заявилъ новорожденный при первомъ появленіи своемъ на свѣтъ Божій, но.... Впрочемъ—зачѣмъ проклятое „но“, когда и безъ того этому хорошему ребенку предстоитъ тяжелый, тернистый путь. Мы желаемъ новорожденному всякаго благополучія и жизненныхъ силъ.....

Нижегородская ученая архивная комиссія торжественно почтила память родного историка, писателя—труженика Н. И. Храмцовскаго. Исключительно благодаря только комиссіи и ея членамъ, въ особенности же Г. І. Родзевичу и А. И. Звѣздину, человѣкъ, отдавшій болѣе 30 лѣтъ своей жизни—лучшія силы нижегородскому Поволжью, не остался въ забвеніи, такъ-же, какъ онъ больной, потерявшій силы, былъ забытъ Нижнимъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Интересно знать: какъ почтитъ память родного историка нижегородское общество въ лицѣ думы?

Нижегородскій телеграфъ не оставляетъ своихъ „шалостей“. Нѣтъ-нѣтъ и пошалитъ малость,—такой онъ, право, чудной. Недавно у одного нижегородца родился сынъ—первенецъ. Обрадованный отецъ посылаетъ своимъ многочисленнымъ братьямъ и сестрамъ, живущихъ въ разныхъ концахъ Россіи, телеграмму слѣдующаго содержанія: „поздравляю съ племянникомъ“. Нѣсколько дней спустя отецъ письменно получаетъ запросы: „ничего не поняли изъ телеграммы,—съ какимъ имянинникомъ ты поздравлялъ насъ?“

Съ имянинникомъ, гг. нижегородскіе телеграфисты, т. е. виноватъ—съ новымъ годомъ!

Много есть, другъ Гораціо, у насъ въ Нижнемъ.... больныхъ мѣстъ и одно изъ нихъ—нижегородскіе извозчики, которые уже успѣли создать Нижнему даже нѣкоторую славу, хотя слава эта, какъ говоритъ гр. Толстой, таё.... Какъ тараканы изъ щелей наползли извозчики въ городъ къ празднику. И Боже мой, что это за извозчики! Страхъ беретъ, если приходится садиться въ сани ночью: верхнее платье ужъ навѣрное будетъ съ большимъ или малымъ изъяномъ. Сами возницы пьяны, грубы, нахальны; лошади ихъ, не привычныя къ электрической конкѣ, при встрѣчѣ съ послѣдней, грозятъ ежеминутно свернуть шею сѣдоку, Пишущій эти строки имѣлъ случай наблюдать надняхъ очень драматическую сцену: Г-жу N, выброшенную изъ саней, почти замертво подняли.... А извозчику и горюшка мало.

— Ничего, пріобвыкнетъ,—говорилъ онъ равнодушно про свою лошадь, которая бросилась подъ самый вагонъ.

Ну, пока „пріобвыкнетъ“, можетъ быть извозчику и удастся искалѣчить нѣсколько человѣкъ.

Н.

Такъ рѣшилъ дьякъ Самсонъ и съ этой минуты его хриплый голосъ раздался въ церкви звучнѣе и торжественнѣе. А скоро пришелъ на клиросъ Наумъ Отверзаевъ и началъ подпѣвать ему басомъ. („В. И.“).

Какъ устроить школьную елку.

Давно уже назрѣлъ вопросъ о разумной и полезной программѣ устроенія школьной елки. Если и случается иногда устроить въ сельской школѣ дѣтскій вечеръ, на которомъ фигурируетъ нарядное хвойное деревцо, то программа его является далеко не полной, безъ строго опредѣленной системы, „по наитію“.

Вообще, подъ именемъ „елки“ разумѣется, какъ извѣстно, дѣтскій праздникъ, или точнѣе *дѣтскій вечеръ*, особенности котораго заключаются въ слѣдующемъ: 1)онъ устраивается въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ и, такимъ образомъ, имѣетъ отношеніе къ празднику Рождества Христова; 2) центромъ дѣтскаго веселья въ этотъ вечеръ служитъ зажженная *елка*, снизу до верху разукрашенная всевозможными бездѣлушками, сладостями и блестящими картонажами; 3) на елкѣ дѣтямъ раздаютъ подарки.

Устроить елку для семьи и елку для школы, конечно, не одно и то же. Задача устроителей школьной елки значительно сложнѣе и серьезнѣе. Кромѣ хлопотъ объ украшеніи деревца и о выборѣ, распредѣленіи и раздачѣ подарковъ дѣтямъ, они должны еще позаботиться и о томъ, чтобы вечеръ, при большомъ количествѣ учащихся, прошелъ въ полномъ порядкѣ и чтобъ въ воспитательномъ отношеніи онъ отразился на дѣтяхъ самымъ желаннымъ образомъ.

Обычный недостатокъ программъ устраиваемыхъ нынѣ дѣтскихъ вечеровъ съ святочнымъ деревцомъ въ сельскихъ школахъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что слишкомъ много вниманія удѣляется *елкѣ*, т. е. деревцу, и мало—церковной сторонѣ праздника. Между тѣмъ, не слѣдовало-бы забывать, что елка есть праздникъ *рождественскій*, а потому празднованіе ея въ значительной части должно быть отзвукомъ церковнаго торжества, совершаемаго въ память Рождества Христова, (Школьный календарь 18⁹⁸/₉₉ г.).

Всегда надо помнить, чтобы дѣтскій праздникъ не былъ безсмысленнымъ чествованіемъ зажженной елки, и чтобы дѣти, при взглядѣ на нее, приводили на память чудную повѣсть о рожденіи Спасителя.

Поэтому весьма желательно, чтобы дѣтскій рождественскій праздникъ состоялъ изъ двухъ частей: *рождественской бесѣды*, днемъ, подъ руководствомъ законоучителя школы, и *школьной елки*, вечеромъ.

Программа и содержаніе школьной *рождественской бесѣды* можетъ быть такой: 1) пѣніе тропаря Рождеству Христову и 1-ой стихиры на Господи воззвахъ, гласъ 2-ой; 2) объясненіе этой стихиры; 3) пѣніе стиховъ пророчества Исаіи: Съ нами Богъ разумѣйте языцы и покаряйтеся..... (Напѣвъ изъ церковно-пѣвческ. сбор. №№ 12—16); 4) исторія Рождества Христова; 5) пѣніе стиха: Слава въ вышнихъ Богу. (См. Церк.-пѣвч. сборн); 6) сказаніе о поклоненіи волхвовъ; 7) пѣніе кондака: Дѣва днесь; 8) вертепъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ. (Описаніе путешественника Норова); 9) пѣніе ирмоса девятой пѣсни канона Рождеству Христ.; Таинство странное; 10) сказаніе о бѣгствѣ Пречистыя Дѣвы Богородицы съ Божественнымъ Младенцемъ въ Египетъ; 11) заключеніе. Пѣніе величанія Рождеству Христову.

Устроители елокъ часто забываютъ существенное правило, что елка—исключительно *дѣтскій праздникъ*, который въ жизни малютокъ отмѣчается свѣтлой и радостной полосой; поэтому мы, взрослые, нравственно обязаны приложить всѣ старанія къ тому, чтобы онъ оставилъ въ сердцахъ дѣтей самыя лучшія, пріятныя воспоминанія.

Елка бываетъ лишь разъ въ году и потому программа ея должна имѣть строго выдержанный характеръ дѣтскаго, святочнаго вечера.

Когда зажгутъ свѣчи на елкѣ, дѣти входятъ въ залъ, гдѣ установлена елка, въ порядкѣ и при пѣніи какого-либо марша, напр. „Славься, славься нашъ Русскій Царь“ или „Многи, лѣта, многи лѣта, православный Русскій Царь.“ (См. „сельск. хоры.“).

Программа чтенія, пѣнія и игръ могла бы быть, напримѣръ, такая:

Отд. I. Чтеніе, пѣніе и картины: 1) „Боже, Царя храни“; 2) „Преданіе о рождественской елкѣ“, разск. А. Радонежскаго. (См. кн. „Солнышко“). Прочитаетъ учитель; 3) легенда Плещеева „Былъ у Христа Младенца садъ“. Прочитаетъ одинъ изъ учениковъ; 4) тоже, дѣтскій хоръ. Музыка Чайковскаго; 5) „Христославы“, стих. Коринфскаго; 6) тоже, живая картина; 7) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, соч. Пушкина. Прочитаютъ въ лицахъ одинъ ученикъ (старикъ) и двѣ ученицы (старуха и рыбка). Или сказку разскажетъ наизусть одинъ ученикъ. Къ этому чтенію можно достать свѣтовыя картины, но еще лучше иллюстрировать его живыми картинами, постановка которыхъ не потребуетъ большихъ расходовъ. Можно придумать живыя картины и къ другимъ стихотвореніямъ. „Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва прядетъ...“ А. С. Пушкина, или „Разъ въ крещенскій вечерокъ...“ Жуковскаго. Соотвѣтствующія стихотворенія должны быть прочитаны или *передъ* показываніемъ картины или *въ самый моментъ*, но никакъ не послѣ; 8) „Слава на небѣ солнцу высокому“. Хоръ смѣшанный или дѣтскій. (См. Сельскіе хоры). Раздача гостинцевъ.

Отдѣленіе II. Игры: 1) Кошка и мышка; 2) Волкъ и барашки; 3) „Ужь я золото хороню...“; 4) игра въ жмурки; 5) Сосѣди и проч. Раздача подарковъ.

Учебныя принадлежности и книги должны замѣнить собою на школьной елкѣ обычныя игрушки. Крестьянскія дѣти-школьники весьма нуждаются въ учебныхъ предметахъ: карандашахъ, ручкахъ, линейкахъ, писчей бумагѣ и проч. Вотъ эти-то вещи и могутъ служить лучшими подарками для нихъ.

Дѣвочкамъ можно дарить различныя рукодѣльныя принадлежности—вязальные крючки, игольники, наперстки,—также гребни для волосъ, мыло, маленькія зеркальца и т. п. вещи, которыя могутъ вызвать у дѣтей заботу объ опрятности и чистоплотности.

Весьма желательно, чтобы сельская интеллигенція пришла на помощь учителю и приняла такое участіе и матеріальную поддержку въ этомъ нелегкомъ дѣлѣ устроенія школьной елки.

Ф. М—скій.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Замѣтки изъ городской и провинціальной жизни).

Казанская желѣзн. дорога заставляетъ о себѣ говорить столичную печать чуть не ежедневно.

Еще одно превосходное послѣдствіе порядковъ московско-казанской ж. д.: ей удалось создать въ Казани „сахарный кризисъ“. По словамъ „Казан. Телегр.“, огромное количество сахара, направлявшееся въ Казань, задержано администраціей московско-казанской желѣзной дороги на станціи Свіяжскъ и до настоящаго времени еще не перевезено сюда. Несмотря на всѣ просьбы представителей сахарныхъ фирмъ поспѣшить съ переправой этихъ грузовъ, администрація желѣзной дороги переправляла лишь грузы тѣхъ товарополучателей, которые ей представлялись болѣе заслуживающими такой льготы, вслѣдствіе чего грузы, прибывшіе на станцію Свіяжскъ, даже позже, переправлялись въ Казань, а многіе изъ прибывшихъ ранѣе оставались на станціи. Все это вынудило мѣстныхъ представителей сахарныхъ складовъ обратиться по этому поводу 5-го и 9-го декабря въ правленіе московско-казанской желѣзной дороги съ просьбами по телеграфу объ упорядоченіи переправы грузовъ. Но толку изъ этихъ просьбъ не вышло.

Одна пассажирка злополучной казанской ж. д. говоритъ что-то вродѣ того, что мы, т. е. пассажиры, сидѣли на рѣкахъ вавилонскихъ и плакали....

„Мы сидѣли въ Свіяжскѣ на берегу Волги цѣлые сутки въ ожиданіи переправы. Былъ сильный вѣтеръ, а въ вѣтеръ ледоколъ руля не слушается. Хорошъ ледоколъ! Если нѣтъ моста, такъ хоть ледоколъ завели бы порядочный, какъ саратовскій, напримѣръ, стоющій 250 тысячъ, тогда какъ нашъ стоитъ всего 25 тысячъ и никуда не годится. Станціонный буфетъ сколоченъ кое-какъ изъ досокъ и мы почти всѣ здѣсь схватили простуду“....

Небывалый еще, кажется, случай: золотыя розсыпи оказываются подъ полотномъ желѣзной дороги, именно—самаро-златоустовской! Какъ разсказываетъ „Самарская Газета“:

„на конечномъ пунктѣ самаро-златоустовской желѣзной дороги, около станціи Челябинскъ, недавно были обнаружены золотыя розсыпи. Когда золотоискатели использовали прилегающіе къ желѣзнодорожному полотну участки земли частныхъ лицъ, то начали подкапываться и подъ полотно дороги, такъ какъ золотоносная жила шла оттуда. Желѣзнодорожное начальство, чтобы охранить полотно отъ подкопа, принуждено было окружить разрабатываемый участокъ вооруженной стражей, такъ какъ удержать пылкихъ золотоискателей на приличной дистанціи иными средствами было невозможно. Охранивъ такимъ образомъ желѣзнодорожное полотно отъ разрушенія, начальникъ станціи Челябинскъ обратился въ управленіе самаро-златоустовской дороги съ запросомъ, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ.

Мѣстное управленіе, признавъ себя некомпетентнымъ въ данномъ вопросѣ, обратилось за его разрѣшеніемъ въ управленіе казенныхъ дорогъ. Послѣднее увѣдомило надняхъ, что оно передало вопросъ этотъ на разрѣшеніе горнаго департамента, которому предстоитъ теперь разрѣшить, какъ поступить въ данномъ случаѣ: оставить ли розсыпи безъ разработки или перенести желѣзнодорожное полотно въ другое мѣсто. Какъ слышала „Самар. Газ.“, одна французская компанія предлагаетъ за участокъ казенной земли съ золотыми розсыпями очень значительную сумму денегъ.

Какъ хотите, говоритъ сотрудникъ „Самарской Газеты“, а въ Россіи очень много остроумныхъ людей.

Возьмемъ хотя того уфимскаго землевладѣльца, о которомъ въ настоящее время производится дознаніе.

Онъ предложилъ уфимскому земству продать свою рожь по 65 копѣекъ за пудъ для продовольствія населенія.

Земство на это согласилось, причемъ условіе было таково, что крестьяне будутъ являться въ экономію и получать рожь отъ помѣщика, а онъ долженъ отъ нихъ получать росписки, которыя для отчета долженъ представлять въ земскую управу.

Дѣло слажено. Мужики начали являться.

Остроумный землевладѣлецъ велъ съ ними такой разговоръ:

— Голубчики, зачѣмъ вамъ рожь? Мы лучше такъ сдѣлаемъ. Вы получите по полтиннику за пудъ, а распишетесь, что хлѣбъ получили натурой сполна. На деньги-то вы всего можете купить... А если не хотите, такъ вамъ придется поѣздить ко мнѣ разика два...

Что-же оставалось дѣлать мужикамъ? Конечно, согласится.

Такимъ образомъ было продано все заявленное количество ржи.

Дознаніе установило, что ржи у остроумнаго землевладѣльца и не было.

У насъ многіе на хлѣбѣ наживали рубль на рубль. Но нажить 15 коп. съ пуда несуществующей ржи, да еще съ „пострадавшихъ отъ неурожая“—какъ хотите, явленіе не заурядное.

„Русск. Вѣдом.“ сообщаютъ прискорбнѣйшую вѣсть, что общее число студентовъ Московскаго университета, подлежащихъ въ настоящее время увольненію за невзносъ платы за слушаніе лекцій, простирается до 200. Небольшія средства, находившіяся въ распоряженіи инспектора, израсходованы до послѣдняго рубля на внесеніе платы за часть неплательщиковъ; комитетъ общества для пособія недостаточнымъ студентамъ, представившій въ университетское казначейство въ счетъ платы за ученіе свыше 15,000 руб., въ настоящій моментъ также уже не можетъ ничего болѣе прибавить къ этой суммѣ, и теперь положеніе не внесшихъ платы студентовъ является уже совершенно безнадежнымъ, если къ нимъ не придетъ на помощь частная благотворительность. Стыдъ и срамъ будетъ москвичамъ, если они не откликнутся.

Нѣкто Ѳ. Чеботаревъ разсказываетъ въ кіевской газетѣ „Жизнь и Искусство“ о своемъ посѣщеніи Л. Н. Толстого въ 1892 г. Орловскій крестьянинъ родомъ, авторъ фельетона, которому въ описываемый годъ было всего 18 лѣтъ, сочинилъ сидя у себя въ деревнѣ драму „изъ крѣпостного быта“. Желая показать ее кому-нибудь изъ настоящихъ писателей, о которыхъ имѣлъ смутное понятіе, предполагая, что они должны жить въ Москвѣ, онъ направился въ первопрестольную. По дорогѣ, услыхавъ о нахожденіи на его пути Ясной Поляны и объ ея владѣльцѣ, онъ направился къ графу, съ цѣлью просить совѣтовъ и указаній относительно своего будущаго писательства. Графъ, выслушавъ его полусвязную рѣчь и просмотрѣвъ его пьесу, сказалъ:

— Вотъ вы—крестьянинъ! коренной русскій крестьянинъ, какъ видно изъ вашихъ словъ, только-что оторвавшійся, можно сказать, отъ почвы, а, между, тѣмъ, вы глядите полубаричемъ (на мнѣ было ватное городское пальто). Это не хорошо... Направляетесь въ Москву, въ городъ, думаете, конечно, тамъ пристроиться, жить тамъ... И вы думаете, въ этомъ спасеніе, думаете, тамъ найти все это? Нѣтъ. Я вамъ совѣтовалъ бы вернуться снова къ своему дѣлушкѣ, въ деревню; и тамъ остаться, навсегда, тамъ жить, помогать ему въ трудахъ и самому трудиться, обрабатывать землю... тамъ и мудрость самой жизни откроется вамъ, цѣль ея... да, она откроется вамъ, если вы ее будете искать, и вы все поймете, и тогда можете сказать ее другимъ людямъ, тогда и драму вы напишете, истинную драму... Да, вернитесь, сынъ мой, это лучше.

Истиннымъ сынамъ земли родной мы искренно въ этомъ случаѣ желаемъ поступать по завѣту гр. Толстого, и.... благо имъ будетъ, въ этомъ мы глубоко увѣрены.

Новое зданіе самарскаго отдѣленія государственнаго банка лопнуло въ двухъ мѣстахъ.

Едва только вывели наружныя стѣны новаго зданія банка, какъ уже образовались двѣ трещины въ сводахъ.

При просвѣщенномъ участіи самаго знаменитаго изъ самарскихъ архитекторовъ, это событіе совершилось съ должнымъ трескомъ.

Подрядчикъ по постройкѣ, конечно, въ восторгѣ отъ этого.

Что же касается до строителя—архитектора, то онъ будто бы послалъ срочную телеграмму въ Нижній-Н., спрашивая своего коллегу, строившаго гущинскій и др. зданія, разрушенныя грибкомъ Меруліуса, въ какомъ положеніи вообще это дѣло съ Меруліусомъ и кончилось ли оно благополучно? Нижегородскій коллега отвѣчалъ довольно неопредѣленно и загадочно: „Меруліуса схоронили, дѣло кончается совершенно благополучно, только дума немножко тормозитъ“.

„Орловскій Вѣстникъ“ передаетъ трогательную сцену, происходившую недавно въ засѣданіи окружного суда въ Карачевѣ и напоминающую нѣсколько похожую сцену во „Власти тьмы“. Въ залѣ находились крестьяне, отецъ и сынъ Переведенцевы. Сынъ обвиняется въ оскорбленіи родителя. Предсѣдатель предлагаетъ тяжущимся помириться: Отецъ-Переведенцевъ! Судъ даетъ вамъ право простить своего сына за оскорбленіе васъ. Желаете-ли вы простить его?—Штошъ, прошшу... Богъ проститъ!..—невнятно шепчетъ низенькій, сѣденькій старичокъ, качая низко опущенной головой и не подымая на сына глазъ.—Говорите громче, Переведенцевъ,—прощаете-ли вы сына? Штошъ, не замай проситъ прошшенія и не обижалъ штобъ напредки, и бабѣ своей приказалъ почитать, значитъ... Сынъ падаетъ на колѣна передъ отцомъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ раскаянія смотритъ на него полными слезъ глазами и беретъ и цѣлуетъ его руку.—Прости, батенька!.—кротко молитъ онъ такимъ тономъ, который не воспроизвелъ-бы никакой актеръ. То-то вотъ—прости!—Бога проси простить. Бога забылъ,—вотъ, значитъ, врагъ-то и одолѣваетъ, на обиду отцу распаляетъ тебя. Бога вспомни! Богъ проститъ!..—шамкаетъ старикъ, тряся головой.

Изъ области еврейскаго гешефтмахерства.

Недурной „заработокъ“. Виленскій корреспондентъ газеты „Kraj“ сообщаетъ, что крестьяне одного селенія слонимскаго уѣзда купили товариществомъ землю, въ количествѣ 414 десятинъ, за 20,000 руб. Крестьянскій банкъ выдалъ имъ ссуду въ 14,000 руб., собственныхъ денегъ они имѣли 4,000, а остальные 2,000 заняли у еврея. Заемъ этотъ состоялся при условіи, что долгъ будетъ уплаченъ крестьянами не по частямъ, а сразу. До времени уплаты еврей выговорилъ себѣ право жить въ усадьбѣ купленнаго крестьянами имѣнія, а также получать половину урожая съ полей и луговъ. Въ текущемъ году ржи собрано 850 копъ, стоимостью около 3,400 руб., и сѣна до 40,000 пуд., стоимостью около 2,000 руб., такъ что общая стоимость урожая достигла 5,400 руб. Изъ этого количества еврей-кредиторъ получилъ 2,700 руб., составляющіе проценты на капиталъ въ 2,000 руб.

И.

Николай Ивановичъ Храмцовскій.

Чествованіе памяти нижегородскаго историка Н. И. Храмцовскаго.

15 декабря исполнилось 80-лѣтіе со дня рожденія историка г. Нижняго-Новгорода Н. И. Храмцовскаго чествованіе юбилея котораго ниж. ученой арх. комиссіей отложено было до рождественскихъ праздниковъ и состоялось 27 декабря въ залѣ нижегородской городской думы.

На торжественное засѣданіе ученой архивной комиссіи прибыли: почетный попечитель комиссіи г. начальникъ губерніи П. Ф. Унтербергеръ, преосвященный Владиміръ, епископъ нижегородскій и арзамасскій, губернскій предводитель дворянства А. Б. Нейдгартъ, городской голова А. М. Меморскій, предсѣдатель архивной комиссіи А. А. Савельевъ, члены ея въ большемъ числѣ, чѣмъ бываетъ на обыкновенныхъ засѣданіяхъ, директоръ народныхъ училищъ С. А. Брызгаловъ, предсѣдатель совѣта Кулибинскаго ремесленнаго училища Я. Е. Башкировъ, инспекторъ этого училища И. А. Игнатьевъ съ учениками, начальники нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, гласные думы, члены статистическаго комитета и представители городского общества.

Предъ началомъ торжественнаго засѣданія отслужена была протоіереемъ Архангельскаго собора о. А. Порфирьевымъ панихида по Н. И. Храмцовскомъ, при пѣніи хора воспитанниковъ Кулибинскаго училища, иниціаторомъ устройства котораго былъ чествуемый Н. И. Храмцовскій. По окончаніи панихиды предсѣдатель архивной комиссіи А. А. Савельевъ, открывъ засѣданіе, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ заслуги чествуемаго Н. И. Храмцовскаго, какъ историка г. Нижняго-Новгорода и иниціатора учрежденія въ городѣ Кулибинскаго ремесленнаго училища и исправительной колоніи малолѣтнихъ. Въ концѣ своей рѣчи г. Савельевъ обратился къ городскому головѣ съ просьбою объ увѣковѣченіи памяти Н. И. Храмцовскаго со стороны городского управленія, городской голова обѣщалъ вопросъ объ этомъ внести въ первое же засѣданіе думы. Прочитаны были

біографическія свѣдѣнія о Н. И. Храмцовскомъ членомъ коммссіи Г. І. Родзевичемъ и дѣлопроизводителемъ А. И. Звѣздинымъ. Затѣмъ оглашены были привѣтствія, полученныя по телеграфу: изъ Вологды отъ сестры Храмцовской С. И., изъ Москвы отъ племянницы его А. Худяковой, отъ ржевской городской управы и члена архивной комиссіи Никифорова изъ г. Горбатова.

Изъ Вологды отъ сестры Храмцовскаго С. И. Храмцовской: „Благодарю, радуюсь настоящему воспоминанію брата моего, радуюсь памяти его на будущее время, печатаніемъ его трудовъ на пользу и славу Нижняго".

Изъ Москвы отъ племянницы Храмцовскаго Анны Худяковой на имя городского головы г. Нижняго: „Въ лицѣ вашемъ поздравляю городъ, васъ, всѣхъ членовъ губернской ученой архивной комиссіи съ исполнившимся восьмидесятилѣтнимъ днемъ рожденія Н. И. Храмцовскаго. Глубоко тронута, что городъ вспомнилъ труды моего покойнаго дяди и почтилъ его память".

Отъ городской управы г. Ржева: „Ржевская городская управа съ чувствомъ патріотической радости освѣдомляется, что первымъ лучшимъ историкомъ Н.-Новгорода считается потомокъ ржевской фамиліи Храмцовскихъ, Николай Ивановичъ Храмцовскій, 80-ти лѣтіе дня рожденія котораго представляетъ думѣ пріятный случай выразить нижегородской ученой архивной комиссіи сердечный привѣтъ и желаніе имѣть какъ можно больше такихъ самоучекъ-самородковъ. Заступающій мѣсто городского головы Миняевъ".

Доложено было также письменное привѣтствіе отъ редактора газеты „Волгарь" С. И Жукова, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ архивной комиссіи принесена въ даръ рукописная книга: „Памятка нижегородскихъ событій", изложенная въ календарномъ порядкѣ.

Инспекторъ кулибинскаго училища И. А. Игнатьевъ прочелъ краткія свѣдѣнія о возникновеніи училища по инціативѣ Н. И. Храмцовскаго и при содѣйствіи барона А. А. Фредерикса.

Всѣмъ почтившимъ память нижегородскаго историка ученой архивной комиссіей выражена благодарность и затѣмъ засѣданіе было объявлено закрытымъ.

ХРОНИКА.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на укрѣпленіе за Спасо-Зеленогорскимъ женскимъ монастыремъ, нижегородской епархіи, жертвуемаго временнымъ нижегородскимъ купцомъ Грибковымъ участка земли, съ постройками на немъ (часовня, сооруженная Грибковымъ на свои средства въ память посѣщенія г. Н.-Новгорода Ихъ Императорскими Величествами 17—20 іюля 1896 г. и общежитіе при ней для монахинь), находящагося въ Н.-Новгородѣ, на Новой базарной площади.

Первый день праздника Рождества Христова начался торжественною службою въ городскихъ храмахъ, съ установленнымъ на этотъ день благодарственнымъ молебствіемъ объ избавленіи державы Россійской отъ нашествія двунадесяти языкъ. Храмы были переполнены молящимися. Въ каѳедральномъ соборѣ божественную литургію и торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ совершалъ преосвященнѣйшій Владиміръ, епископъ нижегородскій и арзамасскій, въ присутствіи начальствующихъ лицъ губернской администраціи съ начальникомъ губерніи генералъ-лейтенантомъ П. Ф. Унтербергеромъ во главѣ, представителей различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и массы молящихся. Въ военномъ манежѣ послѣ церковной службы и молебствія состоялся парадъ войскъ мѣстнаго гарнизона. Въ домѣ трудолюбія происходила раздача безплатныхъ обѣдовъ для бѣдныхъ на средства почетнаго попечителя дома трудолюбія потомственнаго почетнаго гражданина И. М. Рукавишникова.

Въ предыдущіе годы попечители городскихъ начальныхъ училищъ старались превзойти одинъ другого въ устройствѣ роскошныхъ елокъ для учащихся въ школахъ. Въ нынѣшнемъ году прежняго усердія попечители школъ не проявляли: школьныя елки устроены только при нѣкоторыхъ училищахъ на средства попечителей: А. П. Сергѣева, гг. Каменскихъ, Ермолаевой, Карпова, Морозова и И. М. Рукавишникова. 25 декабря, въ первый день праздника, учащіеся Сергіевскаго начальнаго училища были приглашены въ школьное помѣщеніе; для нихъ поставлены были живыя картины изъ дѣтской жизни, потомъ происходило чтеніе басенъ и стихотвореній, а затѣмъ дѣтскія игры. Елка разукрашена была очень роскошно, дѣти вечеръ провели весело и получили послѣ елки подарки, при чемъ нѣкоторые изъ особенно бѣдныхъ получили отъ попечителя школы костюмы. Дѣтскій праздникъ посѣтили директоръ народныхъ училищъ С. А. Брызгаловъ и инспекторъ Н. Н. Іорданскій.

Въ коммерческомъ клубѣ на второй день праздника устроенъ былъ дѣтскій вечеръ съ елкою и лотереею въ пользу общества „Ясли". Дѣтей было очень много; для нихъ устроено было торжественное шествіе вокругъ елки съ флагами, затѣмъ показывались живыя картины, пѣлъ хоръ пѣвчихъ кулибинскаго ремесленнаго училища и въ заключеніе устроены танцы. По уходѣ дѣтей начались танцы взрослыхъ. Дѣтскій праздникъ посѣтилъ наначальникъ губерніи генералъ-лейтенантъ П. Ф. Унтербергеръ и много публики изъ гражданъ города.

Взамѣнъ упраздненныхъ совсѣмъ праздничныхъ визитовъ, на биржѣ, въ коммерческомъ клубѣ, въ канцеляріи нижегородскаго полиціймейстера и между гражданами собрано много пожертвованій въ пользу бѣдныхъ города и пріютовъ „Ясли". Образовалась довольно значительная сумма, которая и поступитъ по назначенію.

По постановленію нижегородской городской думы, служащимъ по городскому управленію передъ праздниками Рождества Христова выдана награда въ размѣрѣ полумѣсячнаго и мѣсячнаго оклада, смотря по сроку службы; мѣсячный окладъ получили всѣ прослужившіе болѣе одного года, въ томъ числѣ секретарь и бухгалтеръ городской управы. Выдача подобныхъ наградъ происходитъ уже второй годъ по инціативѣ нынѣшняго городского головы А. М. Меморскаго.

Съ 27 декабря въ зарѣчной части города начались народныя чтенія съ туманными картинами въ помѣщеніи ярмарочной дешевой народной столовой, уступленномъ для этой цѣли ярмарочнымъ биржевымъ комитетомъ. Чтенія будутъ происходить въ теченіе всей зимы.

Въ арзамасскомъ уѣздѣ, на родинѣ извѣстнаго дѣятеля по народному образованію, бывшаго инспектора народныхъ училищъ московской губерніи В. П. Вахтерова, ранѣе служившаго учителемъ уѣзднаго училища въ г. Ардатовѣ, недавно открыта безплатная народная библіотека-читальня въ честь г. Вахтерова, на средства, собранныя почитателями его, и пособіе отъ общества распространенія начальнаго народнаго образованія въ нижегородской губерніи. Открытіе библіотеки состоялось въ с. Новомъ-Усадѣ 21 декабря послѣ торжественнаго молебствія въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ И. В. Смоленскаго.

---

28 декабря на происходившемъ въ нижегородской мѣщанской управѣ общемъ собраніи мѣщанъ происходили выборы мѣщанскаго старосты на трехлѣтіе 1899—1902 г. Большинствомъ шаровъ избраннымъ оказался прежній—М. И. Лебедевъ, прослужившій въ этой должности нѣсколько трехлѣтій. Кандидатомъ къ нему избранъ Н. М. Кожевниковъ; на должность члена сиротскаго суда отъ мѣщанскаго общества избранъ И. В. Кромулинъ.

Въ ночь на 26 декабря въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ совершено дерзкое убійство эконома-діакона о. Саввы. Происшествіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ злополучную ночь о. Савва пришелъ въ рабочій домъ для наблюденія за рабочими, которые были пьяные. Одному изъ рабочихъ, крестьянину Ивану Новикову о. Савва сдѣлалъ замѣчаніе, тотъ ударилъ о. Савву кулакомъ, а затѣмъ взялъ топоръ и нанесъ смертельный ударъ. Убійца сознался въ своемъ преступленіи и арестованъ.

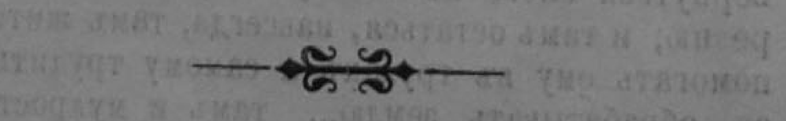
ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Городской Николаевскій театръ.

Въ воскресенье, 27 декабря, въ городскомъ театрѣ шла драма Потѣхина „Богатырь вѣка" и „Искусители" случай въ 1 дѣйст. Н. И. Храмцовскаго. Публики было довольно много. Мы не будемъ вдаваться въ разборъ достоинствъ пьесы Н. И. Храмцовскаго, для нея и такъ уже много было отведено мѣста покойнымъ А. С. Гацискимъ въ исторіи нижегородскаго театра; Храмцовскій не былъ драматургомъ, онъ былъ нижегородскимъ историкомъ и въ этомъ его заслуга для Нижняго. Кромѣ исторіи Нижняго вообще—онъ былъ первымъ историкомъ нижегородскаго театра, А. С. Гацискій продолжалъ труды Храмцовскаго въ этомъ направленіи. Исторія нижегородскаго театра Храмцовскаго захватываетъ первые пятьдесятъ лѣтъ его существованія—время самое отдаленное, которое безъ него было бы безвозвратно забыто.

Бенефисъ И. Е. Славатинской въ городскомъ театрѣ потерпѣлъ крупныя измѣненія; вмѣсто „Защитницъ Капитолія" и „Букальщины" была поставлена комедія фарсъ „Семейныя тайны". Вообще, праздничный репертуаръ, смотря по обстоятельствамъ, нѣсколько измѣнялся.

Въ воскресенье 27 декабря въ городѣ состоялся домашній любительскій спектакль, устроенный артисткой г-жей Смолиной; шла небольшая драма и веселый водевиль „Гувернантка"; въ заключеніе было поставлено нѣсколько живыхъ картинъ. Особенно хорошо играла имѣла и заслуженный успѣхъ г-жа Арбенина.



КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

АРДАТОВЪ, нижегор. губ.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Въ только что закончившемся году въ ардатовской тюрьмѣ было произведено 16 чтеній для заключенныхъ, на которыхъ прочитаны слѣдующія литературныя произведенія: „О первыхъ христіанскихъ мученикахъ" Нѣвцова, „Жизнь Св. Вонифатія", „Іоаннъ Дамаскинъ" А. Толстого, „Слово о смерти", „Жизнь Св. Николая Чудотворца", „о Кириллѣ и Меѳодіѣ", „Жизнь Св. Алексія, Митрополита Московскаго, „о Св. Сергіѣ Радонежскомъ", „О праздникахъ Господнихъ и Богородичныхъ", „О Св. Стефанѣ Пермскомъ", „О таинствѣ покаянія и причащенія"—4 бесѣды Златоуста, „Тарасъ Бульба", „Прохожій" Григоровича, „Бѣжинъ лугъ" Тургенева, „О добываніи соли", „Илья Муромецъ", „О царствованіи Екатерины Великой и Александра II", „Старикъ Никита" Сѣтковой, „Сигналъ" Горшина, 3 басни Крылова, О воздухѣ, „Капитанъ Боннъ". Чтенія были иллюстрированы 83 свѣтовыми картинами. На чтеніяхъ было отъ 52 до 72 заключенныхъ. Первое чтеніе состоялось 27 декабря 1897 года; такимъ образомъ ардатовская тюрьма первая изъ уѣздныхъ организовала чтенія. О пользѣ ихъ говорить излишне, нельзя однако не засвидѣтельствовать, что дни чтеній были единственнымъ праздникомъ заключенныхъ, пока не былъ прикомандированъ къ тюремной церкви особый священникъ, такъ какъ безъ него даже въ большіе праздники не было службы.

Благодаря усиліямъ горсточки здѣшнихъ интеллигентовъ, въ городѣ дано было 5 драматическихъ спектаклей. Это уже крупныя событія въ захолустьѣ, а со стороны иниціаторовъ-исполнителей прямо подвигъ. Ни средствъ, ни обстановки, ни даже людей, видавшихъ патентованную сцену, не только бывавшихъ на ней участниками, въ достаточномъ количествѣ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе исполненіе своихъ ролей у нѣкоторыхъ было даже хорошимъ, напр. m—ll Р. Глядкова, Т. Южилина, г.г. Крыловъ и Вихиревъ. Публика ардатовская еще не пріучилась отличать содержаніе пьесы отъ ея выполненія, и рукоплещетъ смѣшной фразѣ или любовному поцѣлую. Многіе даже думаютъ, что содержаніе „придумывается" самими выполнителями.

На свѣткахъ устраиваются въ городѣ и нѣкоторыхъ селахъ школьныя елки. Здѣсь одна изъ учительницъ г. О. пожелала выдѣлиться, чтобы устроить своимъ питомцамъ елку на губернскій манеръ (?!) и привести ихъ „въ формочкахъ". Другой учительницѣ того же училища со своими ученицами пришлось примкнуть къ елкѣ другого училища. Елочную „дань" несутъ здѣсь одни служащія лица, а гильдейцы наши, и то не многіе, отдѣлываются гривенничками или фунтикомъ сусленыхъ пряниковъ. Если случится, что на такую экономію газета выдастъ имъ „патентъ", то, говорятъ они, собака лаетъ, вѣтеръ относитъ. Для насъ, ардатовцевъ, это понятно, какъ понятно и то, что одновременно съ упраздненіемъ прежняго состава уполномоченныхъ городского управленія упразднился и церковный хоръ. Чего не бываетъ на свѣтѣ!

СОРМОВО.

(Отъ собственнаго корреспондента).

25 декабря въ зданіи сормовской народной столовой устроена была супругой директора заводовъ О. А. Фоссъ грандіозная богатая елка, предназначенная для всѣхъ учениковъ и ученицъ мѣстныхъ церковноприходскихъ школъ и для дѣтей нѣкоторыхъ служащихъ и рабочихъ завода.

Ровно въ 6 час. вечера началось, подъ звуки веселаго марша заводскаго духового оркестра, торжественное шествіе 400 слишкомъ дѣтей. Продефилировавъ нѣсколько разъ вокругъ елки, вся эта процессія двинулась къ театральной сценѣ, откуда раздалось стройное, звонкое пѣніе народнаго гимна „Боже, Царя храни...", подъ аккомпаниментъ музыкальнаго оркестра.

Послѣ этого приступлено было къ раздачѣ подарковъ, разложенныхъ на трехъ большихъ столахъ. Кромѣ учащихся, которыхъ болѣе 800 человѣкъ, были розданы подарки и дѣтямъ нѣкоторыхъ служащихъ и рабочихъ. Всего роздано подарковъ 1000; въ томъ числѣ послано 60 въ с. Коносово, балахнинскаго уѣзда, для выдачи ихъ учащимся сельской земской школы, попечительницей которой состоитъ съ недавняго времени г-жа Фоссъ.

По окончаніи раздачи подарковъ, вдругъ взвился занавѣсъ и на сценѣ, предъ глазами изумленныхъ зрителей, предстала живая картина „Смерть Ивана Сусанина". Затѣмъ, съ нѣкоторыми необходимыми промежутками, показаны были картины: „Дорогой Гость", „Ангелъ-Хранитель", „Чтеніе манифеста 19 февраля" и апоѳеозъ „Слава Россіи". Исполнителями этихъ картинъ являлись ученики и ученицы старшихъ классовъ, при чемъ выполнили свои роли болѣе чѣмъ добропорядочно. Особенно понравилась публикѣ третья и пятая картины, вызвавшія бурю аплодисментовъ и крики браво. Бутафорскія и др. принадлежности для живыхъ картинъ были позаимствованы въ городскомъ театрѣ, а декораціи были отдѣланы спеціально приглашеннымъ для этой цѣли художникомъ.

О. А. Фоссъ въ антрактахъ были устроены среди маленькихъ зрителей танцы, въ которыхъ принимала участіе какъ сама она, такъ и воспитанники гимназій, реальныхъ училищъ и др., пріѣхавшіе на святки въ Сормово.

Очень интересно было наблюдать эту многоголовую, гулливую толпу малыхъ ребятъ съ хоръ, откуда открывалась прекрасная перспектива. Громадная, совершенно переполненная, зала напоминала какой-то шумный рой, въ которомъ, вмѣсто пчелъ, являлись многочисленныя толпы веселыхъ и нарядныхъ дѣтокъ съ полученными подарками въ рукахъ, раскраснѣвшимися щечками отъ пріятнаго волненія и блестящими отъ восторга глазками. Живой обмѣнъ взаимныхъ впечатлѣній, радостныя восклицанія, оживленный смѣхъ и гомонъ составляли нестройный концертъ, напоминающій шумъ отдаленнаго водопада или прибой морскихъ волнъ.

Увлеченныхъ весельемъ и радостью дѣтей едва удалось уговорить покинуть симпатичныя и пріятныя для нихъ стѣны народной столовой и отправить домой въ 11-мъ часу вечера. Этотъ *дѣтскій праздникъ* надолго останется у нихъ въ памяти и будетъ служить однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и пріятныхъ воспоминаній въ жизни.

Елка была устроена частью на средства О. А. Фоссъ, частью на средства церковноприходскаго попечительства и частныхъ жертвователей. Всѣ подарки, гостинцы, елочныя украшенія, театральные расходы и проч. выразились довольно внушительной цифрой около 1500 рублей.

Нельзя не отмѣтить, въ данномъ случаѣ, что альтруистическія стремленія г-жи Фоссъ, увѣнчиваясь всегда желаннымъ успѣхомъ, возбуждаютъ среди сормовцевъ самыя теплыя искреннія чувства глубокой благодарности, дѣлая имя ея весьма популярнымъ среди заводскаго населенія.

Вслѣдствіе ходатайства нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства А. Б. Нейдгартъ, О. А. Фоссъ устраивается въ Сормовѣ любительскій спектакль въ пользу фонда новаго городского народнаго театра. Поставлена будетъ пьеса „Свѣтитъ, да не грѣетъ", Островскаго.

27 декабря, въ зданіи народной дешевой столовой состоялся *общедоступный вечеръ* съ танцами и пѣніемъ хора заводскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ г. Виноградова.

Это еще *первый* въ Сормовѣ вечеръ, на которомъ встрѣтятся представители всѣхъ слоевъ заводскаго общества.

Село БОГОРОДСКОЕ, горбатовскаго у.

(Отъ собственнаго корреспондента).

Въ настоящее время здѣшнее общество серьезно занято вопросомъ о проведеніи желѣзной дороги. Дѣло пока еще не особенно далеко ушло впередъ; остановились на слѣдующемъ: Богородское общество при благосклонномъ участіи мѣстнаго исправника г. Ржевскаго избрало комиссію, на которую возложена обязанность собиранія свѣдѣній относительно грузообращенія села Богородскаго. Результатъ работы комиссіи выразился въ констатированіи $3^{2}/_{3}$ милліон. пудовъ выработаннаго заводскаго товара, какъ-то: кожевеннаго, шорнаго, хомутиннаго, рукавичнаго, кошомнаго, сырыхъ кожъ, сюда причисляется и матеріалъ, употребленный для выдѣлки товара, жиръ, деготь, поташъ; базарнаго груза среднимъ числомъ опредѣлено до 4 милліоновъ пудовъ, сюда причисляются мануфактурный товаръ, желѣзо, мука, крупа, рожь, овесъ, до $2^{1}/_{2}$ милліоновъ пудовъ лѣсного матеріала, до 70000 пуд. гончарнаго товара и кирпича, а всего около 11 милліон. пудовъ. Эта цифра не преувеличена, скорѣе уменьшена, такъ какъ богородцы слишкомъ боятся податной инспекціи, въ особенности въ виду новаго промысловаго налога и въ выдачѣ правдивыхъ свѣдѣній оказались очень подозрительными. Какъ извѣстно, новая желѣзная дорога отъ Арзамаса пройдетъ чрезъ Доскино, въ 15 верстахъ отъ Богородскаго, слѣдовательно, для нашего села она не принесетъ особой пользы, такъ какъ грузъ будетъ двигаться направленіемъ таковой, во-первыхъ, на берегъ рѣки Оки къ пристани подъ с. Дудеевымъ 8 вер., во-вторыхъ, на станцію Черное нижегород. желѣзной дороги 15 верстъ и уже потомъ на Доскино. Все это не принесетъ новой дорогѣ особенной пользы, да и богородцамъ не составитъ удобства; вслѣдствіе этого богородцы и ходатайствуютъ предъ обществомъ Рязанско-Казанской дороги о проведеніи дороги чрезъ наше село. Статистика грузоотправленія вотъ уже какъ мѣсяцъ отослана въ правленіе и возбуждено ходатайство предъ г. начальникомъ нижегородской губерніи; теперь общество ждетъ отъ правленія инженеровъ для провѣрки на мѣстѣ свѣдѣній.

Предложенное богородцами новое направленіе дороги нѣсколько правѣе проектированнаго, а именно на села: Черную, Меньщиково, Селидьбу, Кубаево, Троицкое, Высоково и Богородское, а переходъ черезъ рѣку Оку подъ селомъ Олешевымъ, линія должна удлинниться менѣе чѣмъ на 6—7 верстъ, но зато дорога приблизится къ такимъ промышленнымъ селамъ, какъ Богородское, Ворсма и Павлово, въ особенности первое, товаръ котораго, если не $^{2}/_{3}$ выработки, то $^{1}/_{2}$ пойдетъ по этой дорогѣ; торговля с. Богородскаго обнимаетъ районъ отъ Кіева до Урала, а сырье привозится

изъ степныхъ губерній и не минуетъ этой дороги, такъ какъ сборъ сырья производится обыкновенно зимой. Богородцы всегда предпочитаютъ отправку товара желѣзной дорогой и всю весеннюю выработку отправляютъ по спеціальному тарифу въ Воронежъ, Ростовъ, Керчь, Новочеркасскъ, Таганрогъ и другіе пункты.

За послѣднія четыре-пять лѣтъ здѣсь замѣчается необыкновенно живая дѣятельность: обыватели наконецъ проснулись отъ обуявшей ихъ спячки и стараются всѣми силами догнать далеко ихъ опередившее въ культурномъ отношеніи село Павлово. За это время здѣсь устроено прекрасное зданіе больницы, жаль только, что, благодаря какому-то пустому недоразумѣнію въ названіи больницы, ее до сихъ поръ не приходится открыть. Существуетъ здѣсь 2-хъ-классное училище мужское, второклассное женское, одноклассная церковно-приходская школа, часть площади теперь замощена, устроены новые мясные и пряничные ряды, разведенъ обществомъ садикъ. Въ послѣднее время обыватели озабочены устройствомъ технической кожевенной школы, вообще обыватели с. Богородскаго не скупятся на матеріальныя затраты и жертвы для благоустройства села. По примѣру с. Павлова здѣсь устраивается общественный клубъ; хотя уставъ клуба утвержденъ еще въ 1896 году, но дѣло тормозилось, да не было и помѣщенія, удобнаго для клуба; теперь дѣло близится къ осуществленію, домъ нанятъ у наслѣдниковъ Обжорина, спѣшно ремонтируется; членовъ на первое время записалось болѣе 50 человѣкъ; старшинами избраны Е. Идельсонъ, В. С. Хохловъ, В. Ф. Марковъ, А. Е. Утенковъ, Е. П Любимовъ, Н. В. Медовщиковъ и Н. Л. Николаевъ; на нихъ теперь лежитъ обязанность установить порядокъ въ клубѣ и водворить въ обществѣ расположеніе и довѣріе къ этому новому здѣсь общественному учрежденію.

Недавно въ мѣстномъ волостномъ правленіи, въ присутствіи фабричнаго инспектора нижегород. губ. состоялось собраніе коммерсантовъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ открытіи больницы; коммерсанты въ помощь обществу съ своей стороны предложили уплачивать съ каждаго заводскаго рабочаго по 1 руб. въ годъ, а съ хомутинниковъ, рукавичниковъ и шорниковъ по 60 к.; этихъ денегъ приблизительно опредѣляется болѣе 1000 р. ежегодно. Кромѣ того согласились заплатить всѣ долги больницы и сдать ее обществу, или же вмѣсто всего выше сказаннаго взыскивать съ каждаго заводскаго рабочаго, за время лѣченія его въ больницѣ, по 15 руб. Открыть больницу коммерсанты склонны безъ участія земства, хотя бы первоначально на столько кроватей, на сколько позволятъ средства. При обсужденіи этого вопроса остановились на слѣдующемъ: въ какой степени будетъ участвовать въ больницѣ предложенный земствомъ медицинскій персоналъ, т. е. будетъ назначенъ для села Богородскаго и для завѣдыванія больницей отдѣльный врачъ, или же, какъ и теперь, онъ же будетъ и участковымъ, въ послѣднемъ случаѣ онъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ нуждамъ больницы, а слѣдовательно и нежелателенъ. Вообще дѣло открытія больницы пошло на ладъ и, какъ видно, скоро осуществится на дѣлѣ.

К. И. САДОКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Въ Москвѣ 28 декабря скончался на 80-мъ году жизни бывшій помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа Константинъ Ивановичъ Садоковъ. Покойный большую часть своей жизни провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на службѣ въ классической гимназіи, въ различныхъ должностяхъ: учителя законовѣдѣнія, инспектора и директора; до учрежденія директоровъ народныхъ училищъ въ завѣдываніи К. И. Садокова находились всѣ учебныя заведенія нижегородской губерніи. Кромѣ педагогической обязанности г. Садоковъ много лѣтъ занималъ общественныя должности по выборамъ и вездѣ былъ самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Въ Нижнемъ К. И. пользовался всеобщею любовью, что особенно выразилось при проводахъ его въ Москву, куда онъ по распоряженію высшаго учебнаго начальства назначенъ былъ на должность помощника попечителя учебнаго округа. Въ послѣднее время К. И. по преклонности лѣтъ долженъ былъ оставить свою службу и жилъ въ Москвѣ. Въ нижегородскомъ уѣздѣ у К. И. находится имѣніе при с. Лукинѣ, въ которомъ и назначено его погребеніе.

Юбилей К. С. Баранцевича.

23-го декабря, былъ отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей литературной дѣятельности К. С. Баранцевича. На этотъ юбилей откликнулись почти всѣ петербургскіе литераторы, беллетристы, публицисты, труженики пера и большое количество почитателей.

Утромъ на квартирѣ юбиляра привѣтствовала и поднесла адресъ молодежь; Ф. Ф. Фидлеръ и Б. Б. Глинскій поднесли американское бюро—письменный столъ, подарокъ почитателей. Въ столъ вдѣлана серебряная доска съ именами подносящихъ. Посѣтило юбиляра также множество друзей и почитателей.

Въ 6 час. вечера въ залѣ ресторанѣ Контанъ состоялся рѣдкій по своей сердечности товарищескій обѣдъ, данный юбиляру его друзьями и почитателями. Особенность этого обѣда заключалась въ рѣдко встрѣчающемся въ наше время единодушіи и теплотѣ, съ которыми составился многочисленный кружокъ лицъ, собравшихся чествовать писателя вполнѣ искренно и нелицепріятно. Собралось свыше 120 человѣкъ. Когда К. С. Баранцевичъ съ супругою переступилъ порогъ первой залы, его привѣтствовали долгими и единодушными аплодисментами и Н. Ѳ. Анненскій прочелъ отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ слѣдующій адресъ:

„Двадцать пять лѣтъ непрерывной работы для русскаго писателя—не легкое дѣло; двадцать пять лѣтъ живой, пламенной любви, которая, какъ бы не довольствуясь одной сферой художественнаго творчества, звала васъ на эстраду, гдѣ вы читали на безчисленныхъ вечерахъ въ пользу тѣхъ же бѣдняковъ; двадцать пять лѣтъ товарищескаго духа искренности, простоты, которыми вы, помимо вашей воли, сумѣли привязать къ себѣ всѣхъ, кому удалось узнать васъ,—вотъ что собрало насъ въ одну тѣсную семью и даетъ намъ счастливый поводъ сегодня, когда исполнилось четверть вѣка вашего служенія родной литературѣ, сказать вамъ, глубокоуважаемый Казиміръ Станиславовичъ, что мы васъ сердечно любимъ и отъ всей души желаемъ, чтобы вы еще долго-долго были среди насъ и работали вашимъ талантомъ и вашимъ сердцемъ“.

Адресъ былъ снабженъ художественнымъ рисункомъ-акварелью, исполненнымъ художникомъ Н. И. Кравченко. Рисунокъ изображаетъ группу типовъ, выведенныхъ юбиляромъ въ его произведеніяхъ. Поля адреса были буквально испещрены подписями.

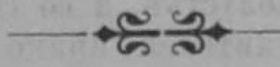
За обѣдомъ было прочитано множество телеграммъ: изъ Ялты—отъ Ан. П. Чехова, изъ Москвы—отъ Гарина, „Русскихъ Вѣдомостей“, отъ С. В. Максимова, отъ Станюковича и многихъ другихъ литераторовъ, а также отъ нѣкоторыхъ редакцій. Письма были получены отъ П. Б. Боборыкина, П. Задосимскаго, П. Исакова и отъ нѣсколькихъ редакцій.

Говорилось много рѣчей. Съ самыми сердечными пожеланіями вступили: гг. Сальниковъ, Поздняковъ, г-жа Пѣшкова, г. Остроградскій, психіатръ Томашевскій, В. Лихачовъ, г. Фофановъ и мн. др. Ф. Черниговцевъ произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Не каждому данъ Божій даръ,
Инымъ же все дается даромъ...
Но нашъ почтенный юбиляръ
Владѣетъ настоящимъ даромъ
И свой посильный гонораръ—
Наперекоръ судьбы ударамъ—
Онъ получалъ всегда не даромъ.

Экспромтъ вызвалъ всеобщій восторгъ. Юбиляръ отвѣтилъ прекрасной, прочувствованной рѣчью.

Обѣдъ продолжался долго. Послѣ дессерта и тостовъ на середину залы выкатили піанино и г-жа Янова пропѣла нѣсколько милыхъ музыкальныхъ вещицъ. Товарищеская бесѣда, оживляемая присутствіемъ дамъ, затянулась до ночи.



Юбилей Павловскаго училища.

22 декабря наканунѣ столѣтія Павловскаго военнаго училища, весь его наличный составъ, во главѣ съ начальникомъ, служащіе и ихъ семейства, юнкера, а также множество изъ бывшихъ питомцевъ училища, собрались въ церковь на всенощное богослуженіе, которое совершали бывшіе законоучители училища, оо. Михайловскій и Рождественскій, и теперешній Вознесенскій. Пѣли юнкера. Послѣ всенощной была панихида по всѣмъ почившимъ учившимся юнкерамъ училища. Передъ панихидой о. Рождественскій произнесъ прекрасное слово. На богослуженіи присутствовалъ военный министръ ген.-лейт. Куропаткинъ.

Послѣ богослуженія въ залахъ училища былъ предложенъ собравшимся чай, во время котораго оркестръ юнкеровъ исполнилъ концертъ изъ нѣсколькихъ пьесъ, прекрасно разыгранныхъ.

23-го декабря—день столѣтняго юбилея Павловскаго военнаго училища—происходилъ въ Высочайшемъ присутствіи, въ Михайловскомъ манежѣ, торжественный молебенъ, освященіе новаго знамени и парадъ.

СМѢСЬ.

Усердіе не по разому часто приводитъ къ траги-комическимъ сценамъ, совершенно водевильнаго характера. Одну изъ такихъ сценъ я и приведу здѣсь.

Недавно въ Ростовѣ-на-Дону въ домѣ обывателя Денщикова случился пожаръ „отъ неизвѣстной причины“. Приставъ во что-бы то ни стало хотѣлъ выяснить причину пожара и виновнаго привлечь къ отвѣтственности.

Черезъ нѣсколько времени преступникъ былъ найденъ. По протоколу полиціи онъ обвинялся въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ и былъ вызванъ вмѣстѣ со своимъ обвинителемъ—полицейскимъ—въ камеру городского судьи.

Какъ вы думаете, кто оказался обвиняемымъ?

Трехлѣтній сынъ Денщикова, съ трудомъ умѣющій говорить.

Въ качествѣ свидѣтеля была вызвана сестра обвиняемаго, двухлѣтняя дѣвочка.

И судья, и публика несказанно удивились, увидя такого «большого» обвиняемаго и еще «большую» свидѣтельницу.

Обвиняемый испуганно озирался по сторонамъ, наконецъ, не выдержалъ и заревелъ.

— У-у-у.—раздавалось по камерѣ.—Домой хочу-у-у-у. домой!

Свидѣтельница долго теребила свой платочекъ, но не выдержала и она.

— И я домой хочу,—всхлипывала дѣвочка.—Домой хочу-у-у-у...

Сцена вышла траги-комичная. И судья, и публика расхохотались.

— Ты-бы еще младенцевъ въ судъ принесъ,—замѣтилъ полицейскому судья, стараясь успокоить рыдавшихъ дѣтей.—И придетъ-же этакое въ голову.

— Я по приказанію начальства,—отвѣтилъ полицейскій.—Приказали, что-бы безпремѣнно виновнаго найти и представить въ судъ. Я и представилъ.

— Да вѣдь это-же дѣти. Они ничего не понимаютъ!

— Это точно, что они безъ понятіевъ, только я по усердію къ службѣ. Для порядка-съ!

Дѣти, конечно, были отпущены домой, а полицейскій... вѣроятно, получилъ награду за усердіе. („Южанинъ“).

Упорный блюститель казеннаго добра. 9 ноября, въ окружномъ судѣ, въ городѣ Херсонѣ, по словамъ „Одесскаго Листка“, имѣлъ мѣсто слѣдующій курьезъ.

Скамью подсудимыхъ занимала кр. М. Руднева, доставленная изъ тюремнаго замка подъ конвоемъ молодого солдатика. Присяжные вынесли подсудимой оправдательный вердиктъ. Тогда предсѣдатель, обращаясь къ подсудимой, объявилъ:

— Марія Руднева, вы свободны, можете идти!

— Нѣтъ, не свободна, ваше превосходительство,—громко на всю судебную залу воскликнулъ конвоировавшій солдатикъ.

— Какъ?—изумился предсѣдатель суда.

— На ней казенная одежда, ваше п-во!

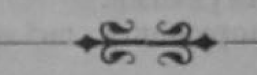
— Ваше дѣло здѣсь молчать!

— Никакъ не могу, возражаетъ тюремный стражъ—приказано доставить казенную одежду!

Публика смѣется.

Предсѣдатель дѣлаетъ распоряженіе о сообщеніи воинскому начальнику о поведеніи нижняго чина.

Въ послѣдствіи, однако, предсѣдатель простилъ наивнаго солдатика.



СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Движеніе поѣздовъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги.

Поѣзда приходятъ въ Нижній:

Почтовый въ 8 ч. 40 м. утра. Товаро-пассажирскій въ 8 час. 20 мин. вечера.

Отходятъ изъ Нижняго:

Почтовый въ 5 ч. дня. Товаро-пассажирскій въ 9 ч. 30 м. вечера.

Скорые поѣзда отправляются изъ Нижняго:

Три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ въ 11 ч. 20 м. вечера.

Приходятъ въ Нижній:

По воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ въ 9 ч. 20 м. утра по нижегородскому времени.

Библіотеки и музеи.

Городская Общественная Библіотека и при ней безплатная читальня (Большая Покровка, д. бр. Фроловыхъ) открыты съ 1-го мая по 1-е сентября съ 10 час. утра до 6 час. веч., съ 1-го сентября по 1-е мая—съ 10 ч. утра до 8 час. веч.; въ воскресные дни—съ 12 до 4 час. пополудни; въ двунадесятые праздники—закрыты.

Безплатная народная библіотека и читальня общества распространенія начальнаго образованія (Большая Печерка, д. Богоявленскаго).

Естественно-историческій музей (земскій) открытъ для обзора ежедневно отъ 10 до 3 час. пополудни. (Уголъ Тихоновской и Мартыновской ул., д. губернскаго земства).

Содержаніе № 1.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИЖЕГОРОДСКИХЪ ГУБ. ВѢДОМОСТЕЙ".

Съ 1-го января 1899 года неоффиціальная часть „Нижегородскихъ Губ. Вѣдомостей" будетъ выходить еженедѣльно по такой-же обширной программѣ, какъ это было въ предыдущемъ году. Въ эту программу войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи по мѣстнымъ, общественнымъ, а также педагогическимъ, экономическимъ, санитарно-гигіеническимъ и др. вопросамъ.

2) Телеграммы (выдающіяся по своему содержанію) Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

3) Вѣсти изъ столицъ.

4) Хроника городской, ярмарочной и губернской жизни.

5) Театральныя замѣтки.

6) Корреспонденціи.

7) Изъ газетъ и журналовъ.

8) Новости науки, литературы и искусства.

9) Фельетонъ: беллетристическія произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя произведенія, этнографическіе и историческіе очерки; научный фельетонъ и проч.

10) Иностранныя извѣстія.

11) Полезныя свѣдѣнія.

12) Смѣсь.

13) Справочный отдѣлъ.

14) Иллюстраціи.

15) Объявленія и рекламы.

„Нижегородскія Губ. Вѣдомости" будутъ выходить 1 разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ отъ 10 до 20-ти страницъ. Подписная цѣна на неоффиціальную часть: съ доставкою на домъ въ Н.-Новгородѣ и пересылкой за годъ 4 руб., за ½ года 2 руб. 50 к.; вмѣстѣ съ оффиціальною частью (полный нумеръ)—за годъ 6 руб., съ пересылкою и доставкою, за ½ года 4 р.

Редакторъ неоффиціальн. отдѣла *Г. П. Демьяновъ.*

Адресъ редакціи: Кремль, губ. типографія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XIX ГОДЪ. „ОСКОЛКИ" ГОДЪ XIX.

Подъ редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „ОСКОЛКИ" съ карикатурами, вступая въ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1899 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1898 году.

Журналъ „ОСКОЛКИ" издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: каррикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью ВЪ КРАСКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 руб.	На годъ	8 р. —
На полгода	5 „	На полгода	4 „ 50
На три мѣсяца . .	3 „	На три мѣсяца . .	2 „ 50
За границу на годъ .	10 „		
„ „ „ 1/2 года.	6 „		

Допускается разсрочка подписной платы по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала „Осколки".

Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки" въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

4—3 Редакторы-Издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ"

въ 1899 году.

Вступая въ седьмой годъ существованія, „Нижегородскій Листокъ" ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то-же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Въ предѣлахъ обычной газетной программы въ „НИЖЕГОРОДСКОМЪ ЛИСТКѢ" помѣщаются:

1. Телеграммы, общія и торговыя. 2. Правительств. распоряженія. 3. Извѣстія изъ столицъ. 4. Статьи по мѣстнымъ и общ. вопросамъ. 5. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 6. Мѣстная хроника (городъ, ярмарка, навигаціонныя вѣсти). 7. Театръ и музыка. 8. Маленькій фельетонъ. 9. Изъ жизни въ губерніи (картинки и недомолвки). 10. Собственныя корреспонденціи. 11. Врутреннія извѣстія. 12. Хроника провинціальной жизни. 13. Внѣшнія извѣстія. 14. Судебная хроника. 15. Смѣсь. 16. Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ, торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, ярмарочная биржа. 17. Фельетонъ: стихи, разсказы, повѣсти, очерки, оригинальные, переводные, научные, литературно-критическій; обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

Редакція обращаетъ особое вниманіе на мѣстную жизнь въ губерніи. Помимо корреспонденцій, нѣсколько разъ въ недѣлю помѣщается фельетонъ „ИЗЪ ЖИЗНИ ГУБЕРНІИ", въ которомъ освѣщаются факты изъ уѣздной жизни.

Въ 1899 году въ „НИЖЕГОРОДСКОМЪ ЛИСТКѢ" будутъ помѣщатся ПОРТРЕТЫ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и РИСУНКИ, иллюстрирующіе наиболѣе выдающіяся событія изъ НИЖЕГОРОДСКОЙ, общерусской и заграничной жизни.

Въ Нижегородскомъ Листкѣ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, С. И. Гриневицкій, И. В. Ермаковъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, П. И. Кошевичъ, С. И. Лавровъ, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская. М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), А. А. Савельевъ, Н. А. Скворцовъ, К. М. Станюковичъ, С. Л. Тейтель, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ), А. А. Штевенъ и мн. друг.

Подписная цѣна на 1899 годъ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
Для городскихъ подписчиковъ.	1 р.	1—25	1-50	2 р.	2—50	3 р.	3-50	4 р.	4—50	5 р.	5—50	6 р.
Для иногородн. подписчиковъ.	1—25	1—50	2 р.	2—75	3—50	4 р.	4—50	5 р.	5—50	6 р.	6—50	7 р.

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ:

Для годовыхъ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА на слѣдующихъ условіяхъ: городскіе подписчики при подпискѣ уплачиваютъ 1 р., иногородніе— при подпискѣ 1 р.

20 числа, начиная съ января 1899 г, до
50 к. и тѣ и другія по 50 к. ежемѣсячно
уплаты всей подписной суммы.

Лица, не бывшія подписчиками „Нижегородскаго Листка" и подписавшіяся на 1899 годъ въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года, могутъ получать „Нижегородскій Листокъ" со дня подписки до 1 января 1899 года БЕЗПЛАТНО. Для этого слѣдуетъ сдѣлать заявленіе при самой подпискѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ: а) въ главной конторѣ „Нижегородскаго Листка" Большая Покровка, домъ Приспѣшникова, б) въ конторѣ П. И. Лелькова, Нижній Базаръ, новая биржа, в) въ книжномъ магазинѣ В. И. Самойлова, Осыпная улица. 2) Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы „Нижегородскаго Листка" при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торг. Дома Л. Э. Метцль и К°. 4) Въ Кинешмѣ—у Т. М. Ильичева. 5) Въ Козьмодемьянскѣ—у М. В. Червева. 6) Въ Перми—у г. Зейдель, Монастырская, д. 18, агентство „Нижегородскаго Листка". 7) Въ Арзамасѣ—въ аптекѣ Москвина. 8) Въ Василь-Сурскѣ—въ аптекѣ М Я. Янкелевича и у нотаріуса И. К. Владимірскаго. 9) Въ с. Лысковѣ—у А. А. Назарова. 10) Въ Балахнѣ—у бухгалтера земской управы Я. М. Чикмарева и въ магазинѣ Ф. И. Рябова. 11) Въ зашт. гор. Починкахъ—у нотаріуса Н. В. Блинова и въ аптекѣ Ф. Ф. Гетлингъ. 12) Въ с. Павловѣ—въ первомъ обществѣ потребителей. 13) Въ с. Городцѣ—въ аптекѣ Соребрякова. 14) Въ Семеновѣ—у секретаря земской управы А. В. Зыбина. 15) Въ с Богородскомъ—въ аптекѣ Е. М. Идельсона. 16) Въ Сормовѣ—въ лавкѣ Общества потребителей. 17. Въ Самарѣ—въ книжномъ магазинѣ Ушакова. 18) Во Владимірѣ губ.—въ книжномъ магазинѣ Иванова.

Редакторъ-Издатель Г. Н. КАЗАЧКОВЪ. 3—3

XXIV ГОДЪ. ОТКРЫТІЕ ПОДПИСКИ на 1899 годъ. XXIV ГОДЪ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРЕКОЗА".

Наканунѣ двадцатипятилѣтняго юбилея, вступая въ 24 годъ изданія, „Стрекоза" весело и граціозно слѣдитъ за шалостями всего міра и наказываетъ провинившихся и перомъ и карандашомъ.

Остроты и шутки, каламбуры и смѣхъ, шпильки и сатиры— вотъ наше оружіе, которымъ мы четверть вѣка боремся съ промахами и ошибками человѣчества и благодаря которому мы стали извѣстны не только всему свѣту, но и любой захолустной деревнѣ или аулу кочевниковъ.

Первою преміею къ нашему журналу на будущій 1899 годъ мы избираемъ:

каррикатуры Карандаша (Caran d'Ache).

Художникъ-каррикатуристъ *Карандашъ* (Caran d'Ache) въ короткое время составилъ себѣ громкое и почетное имя, какъ первый каррикатуристъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ.

Рисунки Карандаша дѣлаютъ „злобу дня" въ Парижѣ и ихъ постоянное появленіе на страницахъ газеты Фигаро" и въ отдѣльныхъ изданіяхъ публика привѣтствуетъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

Чуткій къ политикѣ и общественной жизни всего міра, Caran b'Ache въ блестящихъ рисункахъ юморизируетъ надъ всѣмъ выдающимся, не будничнымъ и невольно заставляетъ съ веселымъ смѣхомъ встрѣчать даже нерадостныя и тревожныя біенія международнаго пульса.

Все, что есть у этого художника самаго интереснаго и значительнаго, мы собрали въ одинъ роскошный альбомъ и издадимъ его весьма богато и художественно.

Не многіе изъ русскихъ знаютъ, что Карандашъ уроженецъ Москвы и нашъ соотечественникъ и потому громкая слава его въ Парижѣ в оъсобенности интересна для насъ, его земляковъ. „Каррикатуры Карандаша" ввиду этого *особаго* къ нимъ интереса русской публики, будутъ нами изданы по примѣру лучшихъ заграничныхъ художественныхъ изданій и будутъ вполнѣ достойны того мастерства и таланта, какимъ такъ ярко блещутъ произведенія нашего знаменитаго художника.

Второю преміею нашего журнала будетъ:

„РОСИНКИ СЪ ЦВѢТОВЪ ВСЕМІРНОЙ ПОЭЗІИ",

томикъ III, изящная книжечка—сборникъ стихотвореній, преимущественно пьесы для (declamatorium'a) въ роскошномъ, тисненомъ золотомъ переплетѣ, изящно и компактно изданный, по образцу первыхъ двухъ томиковъ того же названія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОДЪ, съ приложеніями:		ПО 1/2 ГОДІЯМЪ, безъ приложеній	
Во всѣ города . . .	10 р.	Во всѣ города . . .	5 р.
За границу	12 »	За границу	6 «

1/2 годовые подписчики, желающіе тоже пользоваться приложеніями, при подпискѣ на оба 1/2 годія доплачиваютъ по 50 к. за каждое.

Редакція и Контора помѣщаются: Фонтанка, 80, въ СПБ.

Издатель Г. К. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (*Буква*). 4—3

Примѣчаніе. При семъ №-рѣ прилагается списокъ лицамъ, сдѣлавшимъ пожертвованія въ замѣнъ визитовъ въ праздникъ Рождества Христова и Новаго 1899 года.

Дозволено цензурою. Нижегородская губернская типографія. Редакторъ Г. П. Демьяновъ.